



ПОЭЗИЯ РУССКОГО СЛОВА

Специальное издание всех участников
конкурса

Коллектив авторов

«Поэзия русского слова».
Специальное издание
всех участников конкурса

«Издательские решения»

Коллектив авторов

«Поэзия русского слова». Специальное издание всех участников конкурса / Коллектив авторов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-4483-2031-6

Всероссийский литературный фестиваль-конкурс «Поэзия русского слова» проводится в рамках литературного проекта «Литературная осень» и ставит целью выявление талантливых авторов, пропаганду живого русского слова. Учредителями фестиваля-конкурса являются Краснодарское краевое отделение общероссийской общественной организации «Союз писателей России», администрация муниципального образования «Город-курорт Анапа». Книга издается за счет средств, собранных членами литобъединения «Парус» (Анапа).

ISBN 978-5-4483-2031-6

© Коллектив авторов
© Издательские решения

Содержание

Категория «Открытие» Поэзия	6
Семенова Евгения	7
Гайнетдинова Эвита	10
Наумова Екатерина	13
Родина Мария	17
Размета Виктория	19
Усачева Ольга (Лола Ула)	22
Мурашова Людмила	26
Панина Виктория	29
Медведева Ксения	32
Данкевич Татьяна	34
Ковалёва Мария	36
Харченко Анастасия	39
Категория «Открытие» Малая проза	43
Гальцова Дарья	43
Медведева Ксения	46
Хомич Алина	49
Категория «Открытие-2» Поэзия	53
Ефимова Татьяна	53
Петрова Наталья	56
Пешкова Светлана	59
Глухова Вера	61
Вдовченко Лидия	65
Сахно Юлия	69
Чекменова Людмила	72
Халтурина Римма	74
Субботина Вера	77
Рядинский Николай	79
Долголенко Елена	83
Зинаида Палиева	85
Федина Виктория	87
Зацепин Александр	89
Кадочникова Ирина	92
Ковалёв Александр	95
Полуян Екатерина	99
Горбачева Марина	102
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Поэзия русского слова
Специальное издание
всех участников конкурса

Редактор Татьяна Анатольевна Морозова

ISBN 978-5-4483-2031-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Категория «Открытие» Поэзия (возрастная группа до 35 лет)



Семенова Евгения г. Новороссийск «Открытие» – поэзия

«Безвольная»

Я утро начинаю с обещания.
Самой себе с тобой поговорить,
Уйти, не оглянувшись на прощание.
И, стиснув зубы, всё остановить.
Забуть, я точно знаю, не получится,
Нет, в мыслях нет иллюзий, на сей счет.
Ну, просто хватит, хватит, уже мучатся.
Достала совесть, каждый день грызет.
И вот уже томима ожиданием,
Ладочки в кулачки, сомнения вон!
Решимости полна, вся во внимании.
Сейчас или никогда... Наполеон!
Я не причина, знаю, тем не менее.
Грызет, царапает, скулит по вечерам
Старуха Совесть и её придворный шут Сомнение,
К утру на сердце, оставляя новый шрам.
И мысли, мысли кружит одиночество.
Оттачиваю новый монолог.
Дурацкое цыганское пророчество...
Не надо было верить. Вот итог.
И о любви твердит мне. Баста в плейере,
О том что «неспроста пересеклись»,
А страх – один, второй, – как на конвейере.
Но. Баста прав, мы где-то виделись.
Дрожу, давлю на газ – в глазах затмение,
Сейчас с тобой увижусь, всё скажу.
Чего-то дорогого завершения.
Боюсь до ужаса и всё же жду.
Но вот твои глаза, твои объятия,
Твой поцелуй – взлетаю до небес.
Опять вдвоём с тобой, в своей кровати, я.
Перестаю ждать от себя чудес.
Куда-то подевалась вся решительность,
Не важным стали возраст, день и час.
Только ты нужен, ты – моя зависимость...
И гимном. Баста: «этот мир для нас».

...

«Оставайся»

Оставайся моей маленькой слабостью,
Моей тайной, моим вдохновением,
Моей детской осознанной радостью,

Летних свежих ветров дуновением.
Оставайся моей бесконечностью,
Обнимающей нежно вселенную.
Оставайся пугающей вечностью:
Неизведанной и переменною.
Оставайся моими желаниями.
И причиной сжигающей ревности,
Моей страстью, объектом внимания,
Ощущением неизбежности.
Говори же мне чаще: «Соскучился».
Обнимай меня чаще без повода.
Я хочу, чтоб мой страх улетучился.
Когда ты на другом конце провода.
Оставайся моей гордостью,
Моей стойкой защитной крепостью.
Удивляй меня своей твердостью,
Своей силой и немножко – верностью.
Обещай мне вперед не заглядывать,
Мы с тобой не буем планировать.
Я хочу ежедневно разгадывать,
То, что ты попытался заблокировать.
Оставайся объятий сладостью,
И живого глотком эликсира.
Оставайся моей маленькой слабостью,
Моей тайной от целого мира.

...

«Испачкавшись реальностью».

Я хватаюсь за ручку сна,
Чтобы строками лист очернить.
Всё знакомо и в тот же миг ново,
Будто снова учусь говорить.

Масса мыслей – о жизни, о людях
В голове уместилась моей.
И о тех, кто судим, и кто судит,
И о тех, кто немножко честней.

О героях, живущих в сараях,
В годы ВОВ защищавших страну;
О стране, где народ вымирает,
Где забыт Бог и чтят Сатану.

О чиновниках, «пузо» набивших.
За счёт жизни – народа страны.
О стране, где сироты и нищие.
Ни единой душе не нужны.

О стране, где, имея, наличность,
Или в банках большие счета.
Можно выкупить жизнь поприличней.
И не делать почти ни черта.

О политиках. Кто ими стали?
Балерины, актёры кино...
Куда делись герои из стали?!
Нет их больше, и нам всё равно.

Я скорей реалистка, чем скептик,
Но противно от правды такой.
Я с собою ношу антисептик,
Чтоб бороться с прогнившей толпой.

Что-то делать, уже, бесполезно.
Да и некуда, в общем, идти.
Пока в нашем сознании жив принцип:
«Нам СВОЮ лишь бы шкуру спасти».

Существуя, почти без иллюзий
Относительно мира сего.
Я кричу вам: «Очнитесь же, люди!»
«Что случилось?» – «Да нет, ничего»

...

«Люблю тебя, моей фантазии творение...»

Люблю тебя, моей фантазии творение!
Ты создан мною, мной обожествлён.
Ты идол мой, моё ты вдохновение,
Ты совершенным для меня быть обречён.
Ты – существо без имени и плоти,
Ты, словно призрак – нереален, словно Бог.
Стремлюсь к тебе, как хор к высокой ноте,
Но недоступен для меня ты и далёк.
Я твой творец, твой скульптор и создатель.
Ты существуешь, пока существую я,
И иногда, достав шпатлёвку, шпатель
Я аккуратно редактирую тебя.
Искать тебя в реальности нет смысла-
Ты – плод воображения моего,
Ты – сгусток моих идеалов, мыслей
Субстанция unreal, боле – ничего.
Да и не нужен мне, такой как ты – реальный.
Любой живущий может странности иметь.
А ты останешься мечтой. Ведь с человеком идеальным,
Можно вполне со скуки умереть.

Гайнетдинова Эвита
г. Санкт-Петербург «Открытие» Поэзия

«Покинь меня тоска».

Теперь все – сон, мне снится эта степь,
Родимое село и радужная цепь.
Теперь как песня, звучит одна печаль.
Когда же ты уйдешь, в какую-нибудь даль.
Покинь меня тоска, как покидает ночь.
В окне моя судьба. Я тоже чья – то дочь.
Ничейная жена, забытая любовь.
Покинь меня тоска, где слезы там и кровь.
Вечерние часы стучат передо мной.
В них тонет моя жизнь, по стрелке часовой.
И смотрит на меня, из своего окна —
Мой Бог. Люби меня такой,
Какой бы ни была.

2016 г.

«Мне тебя обещали».

Когда все казалось совсем безнадежно,
А горе случалось со мной неизбежно.
Надежда и вера мой путь освещали.
Они так давно мне тебя обещали.
Когда впереди не дорога, а скалы.
Казалось, я умерла, и меня отпевали.
Где только, я тебя не искала.
Потому, что мне тебя давно обещали.
Когда мой друг, повернулся спиной,
Я упала, как хрусталь навек разбитая.
Была не нужной, для всех чужой,
С головы до ног, я слезами умытая.
Кто уходил, кто объявлялся другом.
Менялся мой взор, становился грубым.
Но надежда и вера меня не бросали.
Они обещали тебя. Мне тебя обещали.
И сколько ждать еще? Почти как на вокзале.
Я повидала все: как грешники взмывали.
На трон царя и Бога, призывали.
К безверию, войне и душу продавали.
И по земле ходила боль и жалость.
В глазах пустыня и одна усталость
Нас научили забывать – такая малость!
Если от человека, что-нибудь осталось.

Представь, и я грешна, но не безверная.
Не безбожница, но и не блаженная.
Представь и я жила, с душою обнаженная.
И я любила, и за любовь была сожженная.
За ошибки, перед Богом я отвечаю.
Но за что живу? За что я бедствую?
Мне как то сказали, мне завещали.
Живу, потому что тебя обещали.

...

«И сколько лет».

И сколько лет упало в бесконечность
Я, не хочу считать.
О, Господи, верни меня в невинность.
Все заново начать.
И сколько спето песен и мелодий.
Об искренней любви.
А жизнь полна, полна сомнений.
И пустоты.
Как много грёз разбилось о безбрежность.
Не верить и не ждать.
Я ненавижу счастье за быстротечность.
И злость – не просто так.
И чувствует вокруг напыщенная гордость.
И, где тебя найти.
А в сердце тает необузданная нежность.
И жажда о любви.
Послушайте, прошу вас, обернитесь.
Мне есть, что вам сказать.
Где были счастливы, туда вернитесь.
Все заново начать.

...

«Письмо Маме».

Я скучаю мама, до боли скучаю.
По глазам твоим, цветом ночь,
Хоть бы раз посидеть с тобой, выпить чаю.
Рассказать, как живет твоя дочь.
Рассказать – как нелегки мне дороги,
По которым суждено идти.
Встречаются мне лицедеи да воры.
Грабят душу или топчут мечты.
Мне говорят – я стала безликой.
Слишком грустной, немного злой
Мне противно пустое веселье, шумихи,

Когда в кабаках читаю стихи.
Я живу в Петербурге, на юге.
На выходные езжу к отцу
Его сердце пощипали вьюги
Старость никому не к лицу.
На волосах его мама, будто иней.
Как разлучили нас с тобой в сентябре.
Если стану когда-нибудь птицей,
Встретимся, может быть, в ноябре.
Опустела наша земля дорогая.
Опустел и наш родимый дом.
Дорога к дому ведет глухая.
Чуждо стало мне в краю родном.
Говорят мама, время лечит.
Я скажу тебе, это не так.
Перед сном душу память калечит.
Я как будто ложусь умирать.
Мочи нет – по тебе так скучаю.
Забери, что суждено для меня.
Только посиди со мной, выпей чаю.
Как в счастливые мои времена.
Этих строк никогда не увидишь.
И писем моих не прочтешь.
Я пишу тебе из жизни в вечность.
Твоя повзрослевшая дочь.

2016 г.

«Птицы».

Видишь, как птицы взлетают ввысь?
Выстрелом от земной суеты
Я говорю им: «Хоть ты душу мою коснись»
Но птицы не едят с руки.
Я смотрю на них, и не могу понять —
Отчего они так сильны.
Взмахом крыла способны в воздух поднять,
Все, что творится внутри.
Но люди не птицы, и то, что внутри —
Тяжелее гор и рек.
Чтобы снова загорелись глаза – янтари
Бог знает, сколько век...
Жизнь состоит из встреч и разлук.
И расстояний меж этих дней.
В ожидании даже шорох можно принять за стук.
От разлуки – дни длинней.
Ни упованием, ни надеждой не живу теперь.
Жизнь как сумма вчерашних дней
Я почему – то пугаюсь стука в глухую дверь.

А от выстрелов становлюсь сильней.
Хоть и крутимся, вертимся как колесо,
Пока птицы улетают на юг.
Человек не птица, но может пережить все.
Даже тысячи пролетевших вьюг.

2016 г.

Наумова Екатерина
Краснодарский край. ст. Гостагаевская «Открытие» Поэзия

«Алтайское».

Дорога на перевал.
Подъём под прямым углом.
Ягель растёт, как коралл,
Ветви пестрят мхом.
На каждом шагу припадать,
Склоняя колени, к ручью,
Как будто любовь преподавать
Тебе к каждой жилке хочу.
И в сумерках кратких уже.
Ступить на вершину холма...
Какая-то грусть на душе.
Здесь целая жизнь умерла.
Лишь редкие встретишь следы.
И камень, как будто дольмен,
Осколки от древней страны,
Рассеявшейся по земле.
Алтай не забудет её.
Спустя даже тысячи лет.
В застывшей смоле мумиё.
Останется каждый момент.
И этот. Мы ставим ночлег.
Ты слышишь тонюсенький звон?
Как будто один человек.
Остался с тех самых времён.
А может, повесил браслет,
И тот бубенцами звенит.
Но ветра как будто бы нет.
Так кто же ночами не спит?
Увидим мы только с утра:
В тумане свободный табун.
И белая лошадь-гора.
Звенит – колокольцами – лун.
Альпийские топчет луга,
Грибные круги, дикий лук...
Спасибо алтайским богам.

За этот таинственный звук.
За солнце, что здесь горячей,
За то, что близки облака,
За холод хрустальных ночей.
И то, что звезда так низка.
За то, что прекрасны цветы.
И лает так громко марал.
За то, что среди темноты
Алтай нас тогда охранял.
Но снова надолго один.
Остался бессмертный колдун.
Как будто браслет Ак-Кадын.
Звенит – колокольцем табун.

2016 г.

«Морская бессонница»

я совесть всех земных бессонниц
и сердце каждой гиблой страсти
а атлас в сумке – это карта.
какой-то новой, пятой масти.
из круглосуточной аптеки
покоя и самовнушенья
я выгреб сонные таблетки
и попросил у всех прощенья.

но буря страстно дом объяла
и ночь скрестила сушу с морем.
полы скрипели, дом качало,
и в окна колотились волны.

Пятиэтажка уплывала
на парусах погасших окон.
Моей грамматики эскадра
рассыпалась, как легкий локон.

Как мог я спутать вдохновенье
с симптомами морской болезни?
в открытый океан видений
уходит мир под звуки песен

2013 г.

...

А над небом река.
В ней русалочки плещут хвосты.
И рыбачат подъёмные краны.

Под рекой небеса.
В них крылатые тонут мосты.
И скоплением галактик,
Сверкают большие экраны.

Небо слито с рекой.
Чем-то третьим заполнен зазор.
Может, осенью, может, чертой,
Может, просто пространством.

И из школы сбежав,
Без зазрения через забор.
Вдоль дороги идёт,
Собирает букет первоклассник.

Крыша школы, как старый холщовый колпак.
Вдалеке черепицей краснеет.
Но уже позади самый страшный овраг.
И беглец ни о чём не жалеет.

Что там счеты и даты.
Картинки, букварь?
Всё ничто, когда в доме напротив,
Завернувшись в уютную мамину шаль,
Эта девочка учит по нотам.

В белом платье с цветами.
Глаза опускает вниз.
Он уверен и даже больше —
Она есть жизнь.

А над небом река.
Под рекой облака.
Остальное – ненужное, лишнее.
Если к чьей-то руке потянулась рука,
Всё на свете теперь только личное.

2015г.

«Из раны».

Из раны моей встаёт ранним утром солнце.
Поэтому цвет его ал и свет так силён и горяч.
Знай это, а с этим и то, что солдат не вернётся.
Но будет рассвет, моя ласточка, только не плачь.

Из раны моей вырастают тюльпаны и маки,
Рождается радуга, бьёт животворный родник.

Я верю, что ты разглядишь эти тихие знаки.
Но грусть не настигнет, родная, тебя ни на миг.

Из раны моей возникают слова простые,
Простые и нужные, ласковые слова.
Они никого не ранят, хоть выглядят, как отлитые.
Они попадают метко, но цель их всегда жива.

Из раны моей – видишь? – прыгают в воздух дельфины.
Всё больше горю. На огне этом греется чай.
Огнём этим плавятся время сковавшие льдины,
И ты от печали своей понемногу оттай.

Но помни всем сердцем, всегда это, милая, помни,
Что солнце над миром встаёт ранним утром из ран —
Солдат и зверей, детей и безвинно казнённых —
И красные ленты вплетает в седой океан.

2016 г.

«А я и не знал...».

А я и не знал, сколько в этом городе силуэтов, похожих – на твой.
И сколько здесь сумасшедших с неведомой мне судьбой.
В каждом вечернем прохожем мерцает какой-то секрет.
Никто не хочет домой, но завтра встать чуть свет.
Никто не хочет туда, где вынужден временно жить.
Где он коротает года, обкуривает этажи,
скучает, надеется, спит и видит одни только сны.
Где пьёт в одиночестве чай
и ждёт наступленья весны.
Но каждый из тех, кто здесь, конечно, пошёл бы туда,
где хочется мыть этажи и чтоб не кончались года.
Там жизнь наяву как сон, а сон – как вторая жизнь,
и кто-то готовит чай и смотрит из окон вниз:
идешь ли по талым снегам с печеньем в руках домой?
плывешь ли в каноэ с шестом, рождаемый внешней водой?
но в пьесе такого нет. Хоть в лес убегай, хоть вой.
Как карие декорации, стоят после сказки глаза.
До блеска отполированы. По мне равнодушно скользят.
За ними – совсем ничего. Закрыты, мертвы, пусты.
Отныне и навсегда сравнялись с нулём мира,
что зримо творились из нот, что теплились прямо в руках.
Казалось, как будто вот-вот. Но вышло – «уввы не ах».
На память о летних днях – некрополи в фонарях,
в которых, как в братских могилах, спят бабочки и мотыльки.
И, может, по этой причине лучи фонарей так мягки.
Свеченье похоже на крылья, на пудру, вуаль, пыльцу,

на теплый песок, что сползает по милому мне лицу.
Круженье похоже на ветер, качнувший луну, как фонарь,
как маятник, как ребенка, как старый скрипучий корабль,
как лист на темнеющих водах, качели в осеннем саду.
В которых – затихнет ветер, как с поезда, я сойду.
Туда, где одним только словом, возможно, всю жизнь рассказать.
Туда, где берут за основу обязанность нас понимать.
Где в вакуум сердца ворвется большой, как любовь, кислород.
И вот уж прохожий качнется и замертво упадет,
а я и не знал, как много здесь мест, где тебя не найти.
И сколько чужих секретов город таит внутри.
Лаванда, миндаль и мускус смешались с соленой волной.
В последнее звёздное небо мы падаем вниз головой.

Родина Мария г. Тамбов «Открытие» – поэзия

«На крыльях семи ветров»

Шар земной облететь
на крыльях семи ветров.
Слиться с ними в одно,
притяженье земли поборов.
Освободиться от
предрассудков – своих и чужих,
в вольной стихии их,
вновь научиться жить.
Существом обновлённым
пламенно-вещую
песнь, воспевая пророков...

2010г.

«К Данте Алигьери».

Расскажи мне о том, как когда-то
ты, в глубины сойдя земные,
ткал средь вечных льдов Коцита —
нота за нотой —
дерзновенную песнь свою.
Расскажи о дождях и вихрях —
тех, что в Таргарах недрах бушуют,
увлекали со злобной радостью
перелётные птицы-души...
Расскажи о пути на Небо
через царство,
где правит

Небыль:
как ты шёл —
и адское пламя
опаляло твоё лицо;
как на нём, почерневшем от копоти,
боль нездешняя след оставила,
сделав сына земли
сурового
мучеником-певцом...

2011г

«Адамов след» (восточная легенда).

Где-то в Индии далекой
Над спокойною долиной
Непреклонно – одиноко
Подымается вершина.
На угрюмой, на скале той
Здесь огромный человеческий,
Говорят, самим Адамом
След оставленный навечно.
Говорят, что откровенье
Он увидел на вершине.
Путь людского рода горькой
И безрадостной судьбине.
Он увидел всех потомков
От велика и до мала.
Крови алые потоки.
Всё лились, земля стонала;
Люди гибли от болезней,
Грызлись за кусочек хлеба,
В слепоте и иступленье
Проклиная страшно Небо.
Праотец, увидев эти
Ужасы, безумье, муку,
Горько плакал до рассвета,
Плакал, как дитя в испуге.
Прижимаясь сиротливо
К той скале суровой телом:
«Боже, Боже милостивый!
Что же... Что же я наделал»!
...Говорят, с тех пор навечно
На вершине той огромной
След остался человеческий —
Полон влагою солёной.

Май 2010г.

Снова пришла бессонница,
Королева вьюжных ночей.
Сотня тысячная конница
Мчится следом за ней.
Воинов руки бледные
Сжимают – кто меч, кто копьё.
Светятся шлемы медные —
Богата, свита её!
Неимоверно суровые
Лица – аж дрожь берёт:
«Сдаться пора уж давно бы вам,
Наш наступил черёд!
Ради чего стараетесь,
Наивная вы детвора?
Иль до сих пор не знаете —
Безвозвратно ушло «Вчера»?
Ради чего так гробитесь,
Свой, сберегая мирок,
Замки воздушные строите? —
Скажите, нам невдомёк!»
...Злобствует, издевается
Мыслей назойливый рой.
Всё сильнее разгорается,
Всё свирепее бой!
...Утра лучи окрасили
Горизонт в алый цвет...
– Это только фантазии,
Головы измученной бред!
– Нет, то не сказка страшная.
Правде в глаза – смелей!
Чего ради пахали, пашем? Да
Мысли ранят больней, больней.

Ноябрь 2011г.

Дерево опалённое
одинокое средь поля колышется,
ветви безжизненные раскинуло,
словно кого-то обнять желая
и устремляясь к задумчивым небесам
зелёной единственной веточкой...

Размета Виктория
г. Краснодар «Открытие» – поэзия

«Кукольный Театр»

Я брею солнце – «налысо».
Чтобы лучам не достать,
За руку не схватить меня
в ночной ходке
за занавес Фауста.
Инсталляцией не закрыть,
Пустота – занавес
информационных ночей
И она взрывает замысел,
заставляет играть
без смычков скрипачей.
Там, за множеством пустых вещей
Узнается трагедии фарс,
Создавая бутафории блеск
из неё льется свет,
аплодисментов треск...
Узнала все 8 фаз,
меня одели в букет —
Но на девятом кругу – не могу,
С потолка обрушиться хочу.
Прошить межреберную пустоту.
Овации секундные
Завядшие цветы...
Но это полбеда,
мы – войлок пустоты.
Семь тысяч лет назад
нас солнце отпускало
отклонятся в заслон,
Когда на сцене жарко стало.
У пустоты во тьме забрать начало,
чтоб вылететь на бис!
Из полноты других кулис.

...

«Мечта»

То были глубокие зрачки,
ночь за её поясом завязала ключи,
Чтобы никто не искал.
Он настигал её, но знал,
что все есть метаморфоза,
Она переместится в другую позу
и будет звать оттуда
Новой угрозой.
Позже будет смотреть из другого угла
на градус проще,
на радиус дальше,

на плюс дольше,
мир провернется и станет тоньше,
Я пойду по ниточке в другую галактику:
Там у нее доступ к документам,
Я извлеку первый,
Изучу края, разверну схемы, изменю тактику.
Только пусть она улыбается, ей то, какое дело!
Я все схватываю на лету!
Только пусть она возродится из тлена,
Пусть она соберет себя по морфемам,
И никогда не забудется больше в этом бреду.

...

Когда она клялась на крови,
он отводил глаза.
Он говорил: «Я за»!
Только в грязь главное не упади,
безумной головой.
всей шерстью упирайся.
Не проворонь. Ворона.
Над лопнувшей трубой
влетевшего, юно целясь
в сторону.
– Не утони. Блестящим алмазом
на дне реки.
– В узкое главное не упади,
только взглянешь и сразу иди!
Пролей звездопады, как конфетти...
– Я, кажется, снова плыву к водопаду, —
Ныряя, сказал – Отойди и молчи!
Она замолчала почти
И вечер развеял прохладу...
– Не утони блестящим алмазом
на дне реки!
Сколько сердец, да все вдоль берега,
как вешнего поля ягоды.
– Да не сорвавши попробуй, вкуси,
по внешнему не ходи.
– Только возьмешь и сразу неси.
не утони блестящим алмазом на дне реки.

март 2016

«Тайный жребий»

Не жена я вам,
а послушница
храма вашего вольного.

а жена, поди,
что прислужница.
хора падших любовниц.
Не сестра я вам —
Равно «сущница».
плена томного омута.
А сестра, поди,
Вольно отпущена.
у калитки летать голубем.
Попроси ты их
не спадать с ресниц —
Мало хлеба всему городу.
Отнеси ты их,
сняв завет с колец,
И расти глубокую бороду.

26 июля 2015

Хоть хлебом воду – «вымакивай».
Хоть так лижи.
Жажду не выгнать в мякоть.
Вся ткань – коржи.
Хоть сновидения – соки
или на штык,
но от головы – ноги
находят. Прыг.
И сколько в гору не лазай —
придешь пустым.
Ума – не твоя палата. —
В палате – с ним.
Не рифма – усталость сердца,
вперед торопись.
У бабушки в планах стирка.
Здесь рифма – жизнь.

...

Усачева Ольга (Лола Ула)
Г. Москва «Открытие» – поэзия

«Это просто зима»

Это просто зима, это просто холодный февраль,
То замрёт обречённо, то вдруг содрогается пульсом
Недосказанность слов – продолжаю бессмысленно врать,
Что ты скоро придёшь, что ты просто пока не вернулся.
И по старой привычке вновь кофе варю на двоих,

20 грамм коньяка и десертная ложка пломбира.
Сортирую в компьютере фотки – мои и твои.
А «винамп» напевает мне старую песню Земфиры.
«Он твой мальчик...» Угу. «Он обманщик...» И я хороша...
Мы с тобой «заблудились во лжи» и нелётных сезонах —
Обожаем метели. Живём, никуда не спеша:
Если дома не ждут, то спешить просто нет и резона.
Повторяем заученно: «Прошлое не изменить».
Приговор оглашён, и... мы оба не ждём апелляций.
Мы могли бы, конечно, друг другу сказать: «Извини...»,
Но... смирились, привыкли и толку уже извиняться?..
В математике чувств по итогам сплошные нули,
Расстоянья умножив, любовь поделили на годы.
Это просто зима, а желание тихо скулить.
Появляется вследствие странных капризов погоды.

2013г

«Эники—беники»

«Эники—беники» ели вареники, заяц – капусту, а мишка ел мёд.
Детская песенка для неврастеников. Кто не считается, тот не поймёт.
Мне намекают: детишек, мол, надо бы. Видная пара, другим не чета.
Сколько бы раз не пытались нас складывать,
но получается лишь вычитать.
Нитями связаны, спутаны, сколоты. Мой! И ничей! Да твоя.
И ничья.
Если играем – в «принцессу с драконом», то... надо считаться,
кому приручать.
Бедные в чувствах – словами богатые, хватит их нынче и в блог,
и в статью.
Вновь устремляешься в небо, крылатый мой?
Ты улетаешь, а я остаюсь.
Салочки, палочки, прятки, мучения... Может, причина
в драконьей крови?
Главные правила при приручении: мной – восхищаться, тебя –
накормить.
Глупые сказки, неумные песенки... Я наигралась в семейную жуть.
Эта считалочка самая честная.
Ты остаёшься, а я ухожу.
«Эники-беники» съели вареники, съели всех заек и всех
медвежат.
Мы параноики и шизофреники, но потому-то и надо бежать.
Надо спасаться. Бросаются под ноги – подвиги, ждущие нас
впереди.
Мы разбежимся. И будем свободными.
Ты остаёшься, тебе и водить.

2016 г.

«По принципу»

Когда ж ещё «маяться», как не в мае.
Influxus vulgaris – любовь земная.
Лечить тяжело, подхватить несложно.
По принципу «не нарушать режима».
Порою встречаемся и лежим, но...
Никто никому ничего не должен.
В период ремиссий, конечно, легче.
И, если вдруг комом – блины и встречи,
не парься. Будь счастлив, пеки комочки.
Взять кофе на вынос – согреть ладони.
О главном ни слова, не трусь, я помню.
Никто никому ничего – и точка.
Наверное, мы б заслужили Оскар.-
За сцену молчания у киоска.
За гранью добра, но в пределах МКАДа.
Придумывать правду – сродни искусству.
Оставим ненужное словоблудство:
«Никто никому». Продолжать не надо.
Каприз, равнодушие или старость
(ненужное вычеркнуть). Что осталось?
Наш стиль – одиночество в рваных джинсах.
Символика знаАкова и знакома.
Но, если подумать, друг другу кто мы?
Никто. Вот докурим и разбежимся.

...

«Категория вечной драмы»

Да, ты прав! Безусловно, прав. Ну а я, как обычно, дура и, бездарно в «любовь» сыграв, обречённо давлю окурков. Сигарету назвать бычком – это ласково или грубо? Так о чём я?.. Да ни о чём. Это просто диагноз. Группа. Обострение «я_плюс_ты_нь. Может, встретимся на неделе? Помнишь, как устремлялись в синь хороводы лохматых елей, в снег укутанных как в манто, тут – пушистее, там – короче?.. Ты прости, я опять – не то... и не там, и не тем. А впрочем, не плевать ли на разность тем? В категории вечной драмы не понять, кто чего хотел. Папа – выпить, а мама – «раму мыла» просто. Чтоб что-то мыть? Или чтобы ходить по краю?

Без таблеток с названием «мы» то болтаюсь я, то болтаю...

«Мы не пара», пока ты прав. Может, стоит свернуть налево? Редкой птицею до Днепра, белой шахматной королевой на толпу

свысока взирать, не приемля плохих известий. Ждать и думать: ну где взять рать, чтоб она собрала нас вместе. Чтоб сложилось в единый пазл, в романтическую картину: где б усталый ты засыпал, я тебе бы дышала в спину. Всё несобранное – в утиль. Безвозмездно и безвозвратно. Если дальше не по пути, значит, оба мы виноваты. Оправдания – на потом, я придумаю на досуге, а пока напишу о том, что любовь, как известно, сука, и со временем всё пройдёт. Множу строчки, тушу окурки. Ну - до встречи, до скорой. До... санитаров, везущих в «дурку». Там немало таких «писцов» и героев, чей жребий – брошен. Я устала «держат лицо». Разбегаемся, мой хороший. В мире много других ребят, кто-то встретится, пусть не сразу. И привычное: «Я тебя...» обрываю на полу фразе.

2015 г.

*«А счастье – это не Рим и Куба, не куча
шмоток, не развлечение»
Болотская Ангелина.*

И тянет плакаться, что нет денег,
Без денег нынче какое счастье?
Тяжёлым выдался понедельник,
И неподъёмным – карьерный крест.
Проект убыточен – «прыгнул» доллар,
А ты и жертва, и соучастник.
В таком вот грёбаном рок-н-ролле.
Танцуй, покуда не надоест.
Танцуй, но лучше смени пластинку,
Где шеф твердит, что последний «гад» ты.
Где вновь всерьёз лихорадит рынки.
Но, постоянен лишь вечный Рим.
И пусть опять в бесконечных сварах —
Юрист, топ-менеджер и бухгалтер.
Но есть и то, что даётся даром,
Давай об этом поговорим.
Давай, как раньше, пойдем на крышу,
Возьмём два кофе и тёплый плед мне.
Плевать кто в офисе самый рыжий,
Но Бог не выдаст, свинья не съест.
Дороже денег слова и губы,
И ты, поверь, далеко не бедный.
Ведь счастье – это не Рим и Куба,
А то, что мы друг у друга есть.

2016г.

Мурашова Людмила
Адыгея, п. Новый «Открытие» «Поэзия»

«Винтик»

Что-то в моей системе не так...
Надо что-то мне с этим делать...
Где бы встретился мне протак,
Чтоб в систему вкрутить сумела...
Винтик, винтик, о, винтик, стой!
Ваша резьба бесподобна, винтик!
Неподражаемы. Шляпка и крой.
Прорези в шляпке у Вас, посмотрите!
Вы такой длинный, такой стальной!
О, как крутитесь, сколько прыти!
Вы гениальны. Вы – просто герой!
Винтик, винтосик, винтюльчик, винтик!
И улыбки волшебный плен
Вас привяжет, лишая силы,
Что? Внимания вам... Зачем?
Вас в систему уже вкрутили.
Самолубование
О, я!
О, да!
Я – свет!
Я – радуга...
Я – гуру!
Я – КОЛОСС!
Не слишком ли себя я превознес?
О, нет!
Душа нага!
Я честен.
Я все как есть, от сердца произнес!
Согласны вы?
О, нет, не надо лести!
Я никогда не стану – я же скромн —
Кричать о том, как я чудесен и огромен!
Мне эта блажь не свойственна совсем.
Пусть лучше скажет вам об этом моя тень.
Да, кстати где она?
Ах, да, сейчас же полдень.
Я так и знал, что ни на что совсем не годен
Весь этот мир гнилой, невыносимый!
О, Боже милосердный, дай мне силы
Справляться с лицемерие и ложью,
Кругом САМОВЛЮБЛЕННЫЕ вельможи...
Вон тот сейчас идет с довольной рожей.

А он же дрянь. Посмел меня предать!
Я сотенку в карман хотел списать.
А он подстроил так, что ни копейки —
Предателям таким свернуть бы шейки
Карман свой ставить выше моего!
Но ничего, дождетесь, ничего!
Но добр я, а он мошенник, плут!
И все часы его, поверьте, врут!
И я теперь, конечно же, один
Непонятый. На пике всех вершин
Борюсь с несправедливостью. Так сложно!
Гоню на грани сил по бездорожью,
Борюсь с пустышками с раздутым самомнением!
О, Боже, Боже, дай мне сил, дай мне терпенья!
Хотя, зачем Тебя просить?
Ведь я.
Ведь Я.
Я Дух Святой. Тобой целованный, Всевышний!
Хотя... Ну ладно, может, это я уж слишком.
Но мне и правда, непонятно, неизвестно.
Как мир в восторге от меня еще не треснул!
Ну, посмотрите, как я тонок и изящен!
Как мой ботинок поцелуями украшен!
Как сокрушаюсь над примерзшими цветами!
– Не замечая хруста ребер под ногами.

...

Любить весь мир способен только Бог,
Любя весь мир, ты никого не любишь,
От сердца по кусочку ты погубишь,
Чтоб каждому досталось этих крох.
Достанется ли? Ветер пронесет
Над шумною толпой по капле крови.
Держали ли ладони наготове?
Готовы ли принять твой слабый вздох?
Подаришь ты – что тоже может быть,
В раскрытую ладонь щепотку пепла,
Ведь для того давно все отгорело,
Кто, кажется, весь мир готов любить.
Не льсти себе: Не Бог! Не херувим!
И очагом весь мир обогревая,
Ты не заметишь: рядом замерзает
Твой ближний – тот, кто должен быть любим.

...

Муза не работа,
Не тропа к успеху,

Не звезда тщеславий
И не поле ржи.
До седьмого пота,
До дурного смеха
Можешь жать исправно
Соки из души.
Тысячу теорий
Из заумных книжек
Проглоти покорно,
Строками давясь —
Все равно апорий
Буквенный сподвижник
Не докажет спорных,
Музою клянясь.
Знай, поэт родился —
Муза принимала
И благословляла
До могилы петь.
С ангелом обнялся
И звезда упала,
И в устах осталась
У него гореть.
Муза – это голос
Ангела, в телесном
Бренном облаченье.
Гостья в плоти.
Не рождён поэтом.
Избранным – небесно. —
Значит, в сани этом
К богу не уйти.
Смысл букета.
Иногда отдала бы душу,
Или хоть бы частичку – возьми,
Просто вынула бы наружу,
Но не знаю, где ключ от груди.
Но никто не оставил пометок,
Как ее вынимать и чем,
И какая природа клеток
У таких бестелесных тел?
Только знаю, чего она хочет,
Только слышу я голос ее
Что: «Понравился этот цветочек»?
Может, в нем ты сейчас живешь.
Я возьму его осторожно —
Для души моей – хрупкий дом —
В лепестках свою душу, можно?
Я тебе подарю потом.

...

«Король»

О, как я благороден, посмотрите
К поверженному, жалкому врагу!
Врагам своим вы руки протяните!
Не сможете? Ну что же. Я смогу!
Мерцает снисходительная гордость
Моих полуопущенных очей.
Врага и благодарность, и покорность.
Записаны. В свершенья моих дней!
Он занесен в бесчисленные списки
До края жизни – вечных должников,
Общественное мнение мне распиской
Прочнее самых прочных из оков!
Что говорите: «Я оставил друга»?
Да сам он разберется этот друг.
Вы что оглохли. – Я ВРАГУ дал руку!
А у меня, на всех, не десять рук!

...

Панина Виктория
Тверская обл., Калининский р-
н, д. Никулино Открытие» «Поэзия»

«Речной вокзал»

Оттого ли роднее душе ты моей. Что заброшен?
Предан памяти, прошлому, предан, как я, человеком?
Крест уже постаревшей надежды становится ношей,
Обреченьем, которое вытеснить нечем и некем.
Здравствуй. Снова дотронусь до стен неприглядных ладонью.
Сероглазое прошлое так же ко мне прикасалось.
И тогда было сердце наполнено светом, я помню.
Но пустует теперь, словно стены Речного Вокзала.
Здесь, в туманы, укутавшись, хочется жить до восхода
И вдыхать глубину каждой ночи, меня приютившей,
Под луной провожать бесконечно бегущие воды
И шептать им вдогонку, а может, себе: «Тише, тише...»
Вновь стою на краю то ли прошлого, то ли причала.
А река предо мной, как дорога из сказки, в три вехи.
Тихо зреет рассвет над мостом и своими лучами
В заколоченных окнах и в сердце всё ищет прорехи.

2016 г.

...

На границах, сегодня зыбких,
Сыплет время на рапорт – рапорт.
И давно уже без улыбки
Слышен шёпот: «Ну, что там Запад?»
Прёт убийственная «машина»
Бронированным лютым монстром,
Бороздя не свои аршины
Справедливости плугом острым.
Бесконечную вереницей
За собой оставляет пламя
И распарывает границы,
По стежку вырывая память.
И летят только так «верхушки».
В час для них наступивший, тёмный.
Несогласные – все на «мушке».
А согласные – в «угнетённых».
На истории всех народов,
На костях, на крови, на нефти
Строит будущее «свобода»,
Маршируя по всей планете...
Не страшась и суда на небе.
Всех вокруг ставит ниже рангом.
Не спасает людской молебен,
Плохо верится в бумеранги.
Знать бы, там, на морских просторах,
Дул ли ветер попутный в парус?
Но «открытие Христофора»
Так и сеет по миру хаос.

2015 г.

«Сосны»

Вновь овеянный тишиной.
Загляденье – сосновый бор.
Лес – не лес, а живой забор.
Сосны рядом – одна к одной.
А за их частоколом спин
Всюду ягоды и грибы.
Прячет, кочек и пней, горбы
Малахитовый палантин.
Корни – каменные провода.
Над утесом косой лежат,
Неуклюжестью медвежат
Потревожены иногда.
Сосны мудрость таят веков,
Преграждая парадный вход
От охотников и охот,
От недобрых, чужих ветров.

Сотый ветер, несущий смерть,
Пусть попробует корчевать
Горделивую сосен стать
И корней вековую твердь.
Улетит, на чем свет кляня,
Толщу колющую ветвей.
И заглушит опять соловей
Хор не слаженный – воронья.

2015 г.

...

Тридцать третья весна не спокойней,
Чем в семнадцать и двадцать один.
Всё не спят сумасшедшие кони,
Не шадят моих первых седин.
Своенравные, дикие кони,
В гриве – яблоневые цветы.
Им с другими не выжить в загоне,
И на них не набросить узды.
Тащат в омут неровных дыханий,
Звуков сердца, как бой молотка,
В плен отглаженных ситцевых тканей,
Что родней и белей молока.
Похищают от скуки придверной
В мир, который из нежности свит.
Кони служат исправно и верно
Настоящей любви.

«Заборы»

Выше человеческого роста
У домов красуются заборы.
Разучились жить открыто, просто.
Все в округе алкаши да воры.
Да кому нужны богатства ваши:
Старые диваны да кровати,
Да сундук от бабушки Наташи,
В коем молю съеденные платья?
Бережете свой мирок в шесть соток.
Не дай боже, кто о нем заспорит!..
Вечером фонарь и тускл, и кроток,
Не пробьет луча сквозь ваши шторы.
Тайна государственной – не мень.
Кто и чем живет в обычном доме.
За чайком вас только и утешат
Пересуды о друзьях-знакомых.

А собрать бы снова на застолье
Всю родню от – «мала до велика».
Песни петь, играть в лото. Доколе
Петухи не станут утро кликать!
Но темно, по-прежнему, в окошках.
На воротах крепкие затворы.
Для охраны «стопочку», картошки. —
И убогих душ растут заборы.

2015 г.

Медведева Ксения

г. Ейск «Открытие» – поэзия

«Город юности»

Там небо сочетается с волной,
Морской песок, что хочется пощупать...
Хочу туда, где я была иной:
Смешной и безрассудной, юной, глупой!
Где осень влюблена в морскую даль,
И чайки крик над пенною водой,
Где я не знала, как звучит печаль,
Казалось, буду вечно молодой!
Хочу в тот мир: в гармонию, в тепло...
В тот дом мечты, где я смогу согреться,
Ведь дом не там, куда нас занесло,
А в том краю, где остаётся сердце.

2011 г.

«Осень в городе»

Старого города льются мелодии.
Неуловимые ноты-кузнечики.
В мех манекены, не люди – «пародии»,
Прячут пластмассовые – острые плечики.
Тихо сливают тоску запоздалую
Капли дождя под витрины стеклянные.
Розы стоят вызывающе алые...
Жаль, их морозы убьют окаянные!
Скоро зима. Под зонтами прохожие,
Словно безликие роботы, мечутся.
На манекены немного похожие...
Как же Любви в этой серости встретиться?

2012 г.

«Лес»

Не под пилою дровосеков
Деревья пали поутру.
Лес, подожжённый человеком,
Горел, как факел, на ветру!
Горел неистово и с треском!
Сгорел – всё было, как в аду...
Пейзаж обугленную фреской
Чернел, «выкашливал» беду.
Лес, молча, умирал, не плача.
С укором глядя в небеса.
Но ведь одна у нас задача.
Растить и сохранять леса!
А мы их губим век за веком.
Земную нашу красоту.
Горят леса, мелеют реки.
Мир превращая в пустоту!
Храните, люди, дом наш общий.
Леса и горы, и поля!
И птицы не покинут рощи,
И будет процветать земля!

2013 г.

«Река – водяная душа»

Гортанно журчит и мурлычет,
Ужом шелестит в камышах.
И бьётся о камни, и хнычет
Река – водяная душа.
Здесь пахнет ночная фиалка...
И в духе седой старины
Выходят резвиться русалки
На берег при свете луны.
Здесь ветер-бродяга гуляет,
И Гоголя «Майская ночь»
Всё так же умы изумляет!
И панночка, сотника дочь —
Бессмертного слога творенье. —
Печально ведёт хоровод.
Незримой прозрачную тенью
Скользит в темноте среди вод...
Ночная тревожная птица
Во сне прокричит в камышах.
Родная стихия ей снится,
Река – водяная душа.

2015 г.

"Возвращенье к родному порогу"

На окраине – садик заросший
И руины чужого жилья.
Рядом с кладбищем, в маленькой роще,
Слышно звонкую трель соловья.
Деревянные голые души —
Опустевшие избы станиц...
Где глубинка российская глуше,
Там шумней обиталище птиц.
Там щедрей золотистое солнце,
Но не слышен людской разговор.
Но черней на незрячих оконцах
Заколоченный крест-приговор...
Одинокий свой век доживают
Хутора, а земля-то, земля...
Она дышит, она ведь живая!
Хоть сорняк уже душит поля!
Чернозём... позавидует каждый,
Хоть намажь вместо масла на хлеб!
Человек! Мать-земля – это важно!
Почему ты бываешь так слеп?!
В мягком облаке пыли – дорога,
Наши корни – спасительный путь!
Возвращенье к родному порогу...
Дай же, Бог, мне с него не свернуть!

2014 г.

Данкевич Татьяна
Санкт-Петербург «Открытие» – Поэзия

Рождается на желтых листьях клёна.
По-прежнему настроенной влюбленно,
Душе одна дорога – только ввысь.
Лучистый купол Спаса на Крови
Ничем не выдает трагичность места,
На коем возвышается, но лестно
Ем купаться в солнечной любви.
В Петрополе октябрь уж на дворе,
Но люди потеряли смысл жизни.
Работодатель, цены всё капризней
и безразличней к небу синеве.
Толпа стремиться в темноте утра
Дожить до вечера, спеша с работы,

Рискуя потерять в заботах годы,
Не отличая завтра от вчера.
Всё примелькалось: пестрота реклам,
Брожу грязным. С грустными глазами.
Писк гипермаркетов, просящих денег. Зданий
Однообразность, теснота и хлам.
Мне дела нет до выборов чужих,
Брозды судеб иных мне не вверяли,
только своей... но если б только знали,
как мне порою мир жестокий чужд их.

...

Что не образ – с нимбом золотым,
Литургии непонятные слова,
От кадила с дымом завитым
Чуть кружится, но светлеет голова.
Пойте, ангелы, о мёртвых и живых,
Хором призывайте божий страх.
Пусть огонь танцует на своих,
Тонких парафиновых ногах.
Что не лик – один скорбящий взгляд,
И не весел даже Херувим,
Словно знает, что ждёт впереди
Каждого, молящего пред ним....
В летнем поле поутру роса
На ресницах полевых цветов,
Ветер нежно дышит в волосах,
И приятен травяной покров.
Солнце пригревает и молчит.
Грешен ты, иль нет – оно – тебе.
Успокаивающе вода журчит
О прощении в прохладном ручейке.

...

На Петроградской стороне лучи
От фонарей заглядывают в окна
Мурашки ливня ползают по стеклам,
И по асфальту вниз вода журчит.
Три года вместе... или врозь, да кто ж
Теперь поймёт, мы разве только сами.
Взгляд потупив, или всплеснув руками,
Пожалуйста, ты это подытожь...
Сведи в итог, кто счастлив, стал и чей
Удел – быть у разбитого корыта...
Ведь от меня какой-то тайной скрыта

Твоя единственная мерность всех вещей.
Какой итог? На что он нужен нам?
И почему сейчас. Не раньше... Лучше б раньше!
Тогда наверно, было б проще. И жили б дальше.
Теперь же сердце рвешь напополам...

...

Всё суета. И в быстром вальса ритме
Проходит жизнь, и ей возврата нет.
While... then... if... else... как в вечном алгоритме
Путь разветвляют в сторону «the End».
Кружит Земля, и кружимся мы с нею:
В метро, в воде, по воздуху паря,
Но иногда, застыв и каменея,
Взываем к Богу: «Господи, кто я»?
Зачем на Свет, слепящий и влекущий,
Воззвал меня из недр небытия?
Наполнил вены жизнью мне текущей.
И сердцу славить повелел Тебя?
И почему моя душа не птица,
Не улетит, не спрячется средь скал.
Скажи, зачем меня позвал родиться?
И что бы было, если б не позвал?!
Но – суета. И в быстрой круговерти
Вопрос теряется. Он тих, нелеп, колюч.
И забывается до этой самой Смерти,
Которая на все вопросы – ключ.

...

Ковалёва Мария **г. Геленджик «Открытие» – Поэзия**

«Нам даётся добро нежданно...»

Нам дается добро нежданное,
В час, когда мы совсем не ждём.
Неожиданно, но оправданно —
Что посеяли – то пожнём.
Под цветастыми одеялами.
За еловой грядой ветвей.
Вдруг окажется что-то малое.
Всех дороже и всех нужней.
И наполнится сердце радостью.
Как «искристым» – пустой бокал.
Станет силой твоей и слабостью-

Тот, кого ты всю жизнь искал,
И останется всё по-прежнему,
Только строчки трудней сложить...
Можно стих посвятить прошедшему.
А счастливой – лишь нужно жить.

2015 г.

...

Когда трассы прощаются со «жмущами по газам».
Когда жмурится месяц, сливовых черпнув небес.
У высоток, я вижу отчётливо, есть глаза,
И они меня тоже видят, сейчас и здесь:
Тёплый пар на морозе, над шарфом курносый нос,
Неуклюжие ноги под куртками в шесть слоёв.
«Что за зверь ты такой?» – мне они задают вопрос,
Ведь для них мы «людишки». Лишь полчища муравьёв.
Неприметны и мелки, просты, с головы до пят,
Просто хлебные крошки, сметаемые с доски.
Мы уходим с течением лет, а они стоят,
Изнывая от нашей серости и тоски.
И лишь те им заметны, кто светится изнутри.
Кто счастливые вести и радость с собой принёс.
И тогда они шепчут с трепетом: «Посмотри,
Его сердце сияет, как души далёких звёзд».

2016 г.

«Моя Россия»

Всегда встречаю Её на «нижнем».
Всегда в плацкартном. И у окна.
С корзинкой чуть недоспелой вишни.
На кромке белого полотна.
Она сидит, в отражении встречи
Лесов движенья. И мой анфас.
А я влюбляюсь, как любят дети.
В глубины синих – Байкальских глаз,
В Её растрепанность, расторопность.
В Её душевную широту,
В Её простую, людскую гордость.
В Её способность. – В одном ряду
Стоять с другими за дело правды.
Люблю Её за тяжелый труд.
В мозолях руки люблю. И нравы,
Которых годы не перетрут.
Люблю Её поговорки, песни.
Люблю богатый Её язык.
На шее, бледно-молочной, крестик.

И не забытый с веками стих —
У Лукоморья, письма Татьяны,
Героя наших и тех времён...
Люблю, люблю, все Её изъяны,
И верность блеску родных знамён,
Босые ноги и, словно колос,
Златую тугость Её косы,
Добро и щедрость, и звонкий голос.
И капли колкой ночной росы
Слезами – звёздами, на ресницах.
Зависших между тех двух небес,
В которых вижу Я наши лица...
И бесконечный, бегущий лес.
И Я, как будто нельзя иначе,
Как странник к дому, бреду к окну,
И улыбаюсь, дрожу и плачу,
И тоже падаю в глубину...
И Незнакомка, с нежданной силой,
Сжимает руку, вперёд смотря,
А отраженьем – Моя Россия,
А отражение – это Я.

2015 г.

«Береги, как горный хрусталь».

То, что кажется твёрдо-незыблемым,
Береги, как горный хрусталь.
В небе чёрном, камнями усыпанном.
На века закаляется сталь.
Между теми – кто ценит и требует
Не от ближнего, но от себя.
Между теми – кто может быть верными.
И тончайший рукав хрусталя.

Расцветает и светится гранями,
От касания пальцев звенит.
Только с теми, кем ценится давнее.
Только с теми, кто может любить.

2014 г.

«Каждый день возрождается чувство»

Каждый день возрождается чувство,
Увеличенное во сто крат
Тем, что выращено искусно,
Что цветет, как весенний сад,
Лепестками ажурной вишни,

Ароматом густой смолы...
Прислониться – и будет слышно,
Как возносятся ввысь стволы,
Как трепещет листва на кронах.
Млея в ласках тепла ветров.
И в нежнейшей канве бутонов.
Зарождаются рифмы слов,
В руки отданных беззаветно.
И причина всего проста —
Счастье в том, что Любовь ответна,
Значит, искренна и чиста.
Все встаёт на свои места,
И былое легко забыть,
Понимая, – теперь я там,
Где мне можно и нужно быть
Все встаёт на свои места,
На ладони моей – ладонь,
И как будто бы неспроста
Я стою под дождём с тобой.
Все встаёт на свои места,
А во мне не хватает слов,
И не верится, что я та,
Кого хочешь увидеть вновь.

2015г.

**Харченко Анастасия
Г. Новороссийск
«Открытие» Поэзия**

"О свободе"

Как душно мне в рутине знойных дней.
Под хмурым взглядом пасмурного неба.
И под ногами – вечный клубок змей.
Готовые убить за корку хлеба.
Так вижу я людей уставших.
С лицами бледными, как мутная вода.
Все беды света словно увидавших...
В глазах у каждого потухшая звезда.
Я не таков, спасибо Проведенью,
Я – сын ветров и вьюга – моя мать.
Моя сестра – туманное виденье,
Вам все росинки с ее платья не собрать
Но вновь орел меня по имени зовет
И снова ветер обвивает плечи,
С души спадает бытовой налет
Я в ожиданье долгожданной встречи...

Лучи заката ласково коснулись,
И подхватили вновь меня ветра,
А птицы ввысь за мной взметнулись,
И бьются за спиною два крыла.
Я слышу собственное сердце,
В нем отдается стук дождя.
Распахивай скорее дверцы!
Но ты бежишь, как от огня.
Испуганно отступишь под навес
Растерянно посмотришь на меня
Но восторгаюсь я лазурностью небес,
И не боюсь осеннего дождя.
Я не поэт и не прозаик,
Однако я скажу в стихах.
Свободы лучик тихо тает.
Прости, но не в твоих глазах.
Не в алых очертаньях губ,
И не в изгибе тонких плеч.
А бледность мягких нежных рук,
Тебе от солнца не сберечь.
Свобода – бурных вод – потоки.
И в тихом шелесте листвы.
В самой природы тихом вздохе.
Там, где горят зари – костры.
Свобода – помечтать о чуде.
И говорить, о чем молчим.
Дарить лишь правду добрым людям.
Забыть все то, над чем дрожим.
Но и любить – свобода тоже.
Когда-то всех нас ждет судьба.
Ты выбирай же, что дороже —
Два белых ангельских крыла.
На что меняешь, дорогая?
Вот ключ и клетка золотая.
Прости, любимая, ты птица не моя.
Я убегаю в следующий полет
Навстречу звонким крикам журавля.
Куда звезда далекая зовет.
И над обрывом пролетая,
В своем молчании святом.
Любовь навеки отвергая,
Я помашу тебе крылом.

...

...

**Как бы страстно мне хотелось
Разрешить вдруг все дела!**

Те, которые приелись.
Без которых никуда.
Те дела, что мне приятны.
Те, что, в общем, не горят.
Да и те, что всем понятны —
В ящик долговой летят.
Сложные дела, простые,
Скучные и заводные.
Даже мнимые, пустые —
По значенью золотые.
Месяц мчится к апогею.
Вот конец календаря...
Перед ним всегда немею
Я, надежды не тая.
Не мечтаю их закончить,
Не пытаюсь все успеть.
Страхи лишние прикончить
И удачу претерпеть.
Но дел все больше на кону
И не спешат решаться...
Дай думаю: «Пойду посплю».
А захотят – приснятся!

...

...

Почему же причиняют боль нам люди?
Потому – что допускаем их в сердца.
Потому – что он не понявший всей сути,
Топит душу в «омуте» всегда.
Почему мы смешиваем краски
С жидкой грязью и пожухлою травой?
Разве верят еще люди в сказки,
Где блестит в болоте камень золотой?
Почему рисуем мы картины,
Глядя не на небо – на тела?
Почему же лепим мы из глины
Не того, что требуют сердца?
Почему холодный, жесткий камень
Заменяет нам и сердце, и любовь?
Но когда подносим к нему пламень —
Видим, что из раны хлещет кровь.
Почему же остаемся безоружным
Перед острым лезвием ножа?
Почему считаем, что не нужны
Мы тому, по чьей щеке бежит слеза?
Так зачем же боль нам причиняют люди?
Что на это можем мы сказать?..
Любящее сердце подали на блюде —

Отвернитесь, кто способен отказать!

2016 год.

Категория «Открытие» Малая проза (возрастная группа до 35 лет)



Гальцова Дарья Воронежская область «Открытие» Малая проза

«Звезда по имени Серёжа».

...Если звёзды зажигают —
Значит – это кому-нибудь нужно?..

В. В. Маяковский

Здравствуй, Сергей! Здравствуй, мой герой!

Не удивляйся, что уже в самых первых строчках письма неизвестная девчонка призналась, практически, в своих чувствах. Не подумай, конечно, что я часто так делаю. Я не какая-нибудь ветреная «особа». Говорят, в обычной жизни из меня «лишнего слова не вытянешь». Но сегодня не тот случай... Я пишу тебе, потому что не могу молчать, хотя знаю, что ты никогда не ответишь мне. Это почта в один конец... Ты погиб от смертельной раны, полученной в Афганистане 30 июня 1980 года. Но я всё равно пишу, потому что свято верю в то, что люди не умирают до тех пор, пока о них помнят. Для меня ты – живой! И моё письмо – прямое доказательство этому. Так что, Серёжка, давай знакомиться! Меня зовут Даша. Я твоя односельчанка. Так же, как и ты, люблю своё село со странным названием Старый Курлак, нашу речку, впадающую в Дон.

Ты можешь спросить, откуда я это всё знаю? Да просто я читала твои письма, разговаривала с людьми, которые тебя очень хорошо знали, знакомилась с книгами о тебе. Сегодня, мне кажется, что я знаю о тебе всё или почти всё.

В нашем школьном музее есть уголок, посвящённый героям-односельчанам. Среди них и твоё имя – Лукьянов Сергей Михайлович. Из биографической справки, данной в книге «Прощай, шурави» (так местные жители в Афганистане называли военнослужащих ОКСВА) автора В.Руденко, я узнала, что ты «родился 10 августа 1959 года в селе Старый Курлак Аннинского

района. Учился в Старокурлякской восьмилетней и Новокурлякской средней школах, в училище города Воронежа. Работал в Москве на строительстве зданий ТАСС и Главного управления картографии и геодезии. В вооружённые силы СССР призван, 10 октября 1977 года. Красногвардейским РВК города Москвы. Служил в танковых частях в Прибалтике. Закончил школу прапорщиков. В Республике Афганистан с декабря 1979 года. Служил в в/ч 44701. 24 июня 1980 года во время вывода воинской части из Афганистана получил ранение...»

А дальше мне не хочется цитировать. Потому что это не справедливо! Так не должно быть! Молодой. Красив собой и умен... Не дожил, не до любил, «не докурил последней папиросы». Хотя я знаю, у тебя, Серёжка, свой взгляд на жизнь. В одном из писем ты напишешь: «Жизнь не стоит на месте, всё движется вперёд, всё меняется: одни умирают, другие идут на смену». Интересно, мог ли ты тогда предположить, что на «смену» тебе придут так быстро? Я думаю, конечно, нет, ведь у тебя было столько планов! Но всё же твоё спокойствие, рассудительность, понимание вечных законов бытия меня удивляют и восхищают одновременно. Мне кажется, ты уже тогда внутренне был готов к любому повороту в жизни, а это, по-моему, уже проявление силы духа. Ты знаешь, я часто задаю себе вопрос: «Как становятся героями? Неужели ими, действительно, рождаются?» Узнав о твоей жизни, наверное, я готова ответить: «Героями – рождаются!» Уже с детства ты был не похож на остальных своих сверстников. По воспоминаниям твоих одноклассников, ты всегда был самым серьёзным и усидчивым. С девчонками был вежлив. Не боялся брать на себя ответственность. Постоянно участвовал во всевозможных мероприятиях. А некоторые эпизоды из твоей жизни меня просто покорили. Ты помнишь тот учебный год, когда ко дню рождения В. И. Ленина у тебя принимали Ленинский зачёт? Так вот, если ты забыл, я напомним: тогда ты, Сергей, вместе с другими ребятами написал, что будешь ходить зимой в лес и подкармливать животных. Но самое удивительное в том, что, несмотря на единодушное решение, ходил-то в лес ты один. А помнишь спор между тобой и ребятами, когда ты сказал, что сможешь в зубах донести до калитки ведро воды? И ведь донёс же! Ты знаешь, Серёжка, мне иногда даже становится страшно от того, что я в своей жизни могу не встретить человека, похожего на тебя. Ведь я уверена, что любая девочка мечтает о таком красивом, добром, романтическом парне, как ты. Если уж влюбиться, то по-настоящему, навсегда, чтобы только смерть могла разлучить. Помнишь, Сергей, в девятом классе, когда ты перешёл учиться в новую школу, познакомился с девушкой Надей, которая была на один год моложе тебя. Тот новогодний вечер Надежда запомнила на всю жизнь. Она в наряде цыганки хотела в шутку погадать тебе. Ты, протянул руку и... словно током обожгло Надю. Она увидела: линия жизни короткая. Но разве верят молодые гаданиям? В тот вечер родилась любовь. История твоей любви, Сергей, и Нади – это целый роман в письмах. Большинство из них ты начинал со слов «Дорогая моя, здравствуй! Пишет тебе твой Серёжка». Не Серёга, не Сергей, а Серёжка... Как трогательно и нежно звучит это имя с суффиксом -к. Вот так просто – «Серёжка», и в этом имени всё: и нежность, и искренность, и полное доверие, и какая-то тайна, которую вы знали только вдвоём. Не один десяток писем ты напишешь своей будущей жене, и в каждом из них ты будешь раскрываться для меня по-новому. Вот письмо, которое ты напишешь своей любимой из Москвы. В нём ты с юмором выражаешь своё недовольство по поводу того, почему 8-е Марта – красное число в календаре, а 23 февраля – «чёрное» («Вот и думай, где тут равноправие»). И ты вынужден будешь «с горя» завтра пойти на хоккей, где будет играть «ЦСКА» с «Химиком». Да уж... «горе» – посетить Лужники, увидеть игру известных команд. Ты, Серёжка, шутник!

А в письме из Калининграда, где ты проходил срочную службу, подробно, буквально по часам пропишешь «солдатский день», начиная с подъёма и заканчивая отбоем. Не могу сдержать улыбку: представляю, как это было «интересно» читать Наде, которая, наверняка, ждала других слов от тебя. Но будут и другие слова, полные романтики, нежности, тоски по родине. Не могу без слёз читать письма из Афганистана. Вот простой русский парень, впер-

вые увидевший горы, не может сдержать восхищения: «Вокруг нас горы до 5 тыс. км... Горы – просто прелесть! Вершины все в снегах, а внизу уже давно цветут подснежники. Первые весенние цветы». А сколько нежности и заботы я почувствовала в твоих словах, адресованных маме. Ты спрашиваешь у Нади: «Как там мама, постарела, наверное? Годы идут, наши матери стареют, мы становимся взрослыми». В письмах из Афганистана – много планов на будущее. Даже предложение любимой ты сделал в письме: «Не знаю, что ты напишешь, но, я думаю, что когда приеду в отпуск, я женюсь на тебе. Я это уже решил твёрдо». После этих строк мне стали понятны слова Нади (теперь Надежды Сергеевны, учительницы из города Воронежа), которая сказала: «Я не боялась за него, двадцатилетнего, замуж выходить, он знал, что ему нужно в жизни. О таких говорят: „Натуралист“». Это люди из породы победителей, для них главное – что я сам могу сделать». Вы сыграли свадьбу в мае, на День Победы, когда ты пришёл в отпуск из Афганистана. Семейная жизнь оказалась длиною в медовый месяц. 10 июня 1980 года ты уехал, а 24-го был ранен при выводе воинской части. Говорили, что с таким ранением, как у тебя, долго не живут, а ты целых пять дней не сдавался смерти... С тех пор уже прошло много лет. 15 февраля 1989 года генерал Громов последним покинул Афганистан. «За его спиной не осталось ни одного советского солдата», – писала газета «Комсомольская правда». Но остались навечно вписанными в книгу Памяти 13833 русских солдата, среди которых есть и твоё имя, Серёжка. Для нас, сегодняшних девчонок и мальчишек, ты – герой, тот, по которому мы выверяем свои поступки.

В 2009 году в нашей школе прошло торжественное открытие мемориальной доски в честь воина – интернационалиста Сергея Лукьянова. Среди приглашённых гостей была и Надежда Сергеевна, твоя Надя. Потом она расскажет нам о вашей общей звезде, которую ты как-то выбрал на небе. Кстати, Надя до сих пор часто разговаривает с ней. А вчера я тоже весь вечер пыталась найти на небе ту звезду. И мне кажется – нашла... Она самая яркая. Я назвала её «Серёжка». Теперь это и моя звезда. Она обязательно укажет мне верный путь в жизни. Прощай, «Шурави»! Прощай, солдат! Прощай, мой герой! Я буду помнить о тебе всегда! Обещаю.
Даша.

...

«Филологический этюд»

На свете есть масса удивительных вещей и занятий. Наверное, тем и хороша жизнь, что можно каждый день совершать для себя какие-то маленькие открытия и быть от этого практически счастливым. Вот я, например, как только начала осознавать всё происходящее вокруг, не перестаю удивляться красоте мира и творениям человеческого разума. Часами могу наблюдать за игрой солнечного света на бусинках росы. С замиранием сердца смотрю на танец теней на полу и стенах в вечернее время, создавая при этом самые удивительные картины в своём воображении. Радуга, шум ливня, весёлое потрескивание дров в печке?! Разве это не чудо? А фотоаппарат, чудо техники, помогающий фиксировать мгновения красоты?! Потом компьютер, интернет... и многие другие современные «штучки», демонстрирующие уникальные возможности человека. Но признаюсь: в последнее время я стала находить наслаждение в другом занятии. Мне нравится наблюдать за словами. Ведь самое главное изобретение человека – это слово. Никогда не думала, что это так интересно. Оказывается, слово может и блеснуть, и греметь, и плакать... Надо только уметь им пользоваться и в нужный момент «повёртывать» правильной стороной. Вот возьмём хотя бы обыкновенное слово «здравствуй». На первый взгляд, ничего особенного. Сотни раз каждый из нас сам проговаривал его и слышал из уст другого. Но замечали ли вы, как звучит оно и «работает» в зависимости от того, кому адресовано? Мои наблюдения вот что мне показали. Вы встречаете человека, которого очень уважаете. Произносите слово полно, стараясь проговорить его, не упуская ни один звук: «здравствуйте», при этом я уже вижу, как голова в небольшом поклоне опускается, и мне кажется,

что и слово превращается в дугу вместе с наклоном головы. Звук [в], который по правилам современного языка не должен произноситься, на мой взгляд, вдруг занимает самую верхнюю позицию в фигуре. От этого привычные сочетания звуков в слове звучат, как мне кажется, как заздравная песнь. Не случайно, что это слово имеет общий корень со словами: здоровье и здоровье. А теперь представим другую ситуацию. Вы видите человека, которого не уважаете. По правилам этикета, мы должны поприветствовать и его. Но что же мы слышим: «Здрасьте», – коротко говорим мы и идём дальше. Обратите внимание, в этом слове, по-моему, уже нет ни малейшего движения души. Усечённая форма не даёт нам насладиться приятными и привычными звуками. Кажется, что слово выпцело, заглохло, «съёжилось». Куда делось его величие и красота? А это всё мягкий [с,], который придал слову оттенок пренебрежительности и абсолютной пустоты! И уже совершенно не слышится та заздравная песнь, изначально присутствующая в нём. Это только один пример того, как меняется обычное слово. Подумайте, а сколько их ещё... Хочется закончить словами К. Д. Ушинского: «... Наследуя слово от предков наших, мы наследуем не только средства передавать наши мысли и чувства, но наследуем самые эти мысли и эти чувства». Так давайте будем дорожить нашим родным словом!

Медведева Ксения
Краснодарский край станица
Староминская, «Открытие» Малая проза

«Отец»

1—3 сентября 2004г.

Северная Осетия, Беслан.

Город, трагедия которого потрясла мир.

Отец ни на минуту не отходил от Сына. День и ночь сидел, позабыв покой и сон, у больной койки и всё гладил, гладил маленькую ручку... Слёзы катились по щекам, но Он их не замечал и только горячо молил Аллаха, чтобы тот сохранил жизнь Его мальчику. Мужчины редко плачут, и Отец был достойным представителем своего народа. Таким воспитывал и Сына. Кажется, только вчера этот семилетний мальчуган был живым и здоровым, жизнерадостным и весёлым. В ушах Отца ещё звенит Его залиvistый смех, но перед глазами тоненькой фиолетовой венкой пульсирует слабая детская жизнь. До мельчайших подробностей запомнился тот злополучный день, 1 сентября 2004 года, когда шли в школу любимые и родные люди: Жена, Дочь и Сын-первоклассник. Шли на свою погибель. Если бы знал, если бы мог предотвратить... Праздник обернулся величайшей трагедией для всего народа. Почему, почему, почему?.. Как могло такое случиться? Как носит земля таких извергов, которые берут в заложники детей, калечат, убивают их?! Свыше одной тысячи заложников, были захвачены в то утро вооружёнными террористами. Погибли Жена и Дочь. Их смерть железными клещами сдавила сердце, пытаясь вырвать его из груди, остановить дыхание. Но рядом был Сын, Его Дитя, Его кровинка... Израненный, изувеченный и ещё слишком слабый, чтобы бороться за свою жизнь. Его спасали московские врачи, и Отец не имел права сдаваться. Рядом с Ним у изголовья Сына сидела Надежда. Она дышала за него, заставляя биться маленькое сердце, исцеляла раны, затягивала швы на простреленных органах. Вот только глаза...

– Отец, отдохни... Завтра тяжёлый день: предстоит ещё одна операция – на глазах. Понадобятся силы. Голос хирурга ворвался в сознание Отца, заставил вздрогнуть. Силы... У Него есть силы, пока жива Надежда. Он готов отдать свои глаза, лишь бы вернуть зрение Сыну. Он не допускает мысли, что может Его потерять, ведь это чудовищно, когда Отцы теряют своих Сыновей! Ночь была, как всегда, тяжёлой и долгой. Отец следил за капельницей и вспоминал яркие события жизни: от рождения Сына до случившейся трагедии. Он так ждал Его появления

на свет и так радовался этому! Вот беспомощный маленький комочек засыпает у Него на руках, вот прорезались первые зубки, вот Сынок произнёс первое слово, пошёл в первый класс... Сквозь белые шторы палаты забрезжил рассвет. Больница потихоньку оживает, по коридору раздаются тихие шаги медперсонала. Потом пришли доктора и начали готовить Сына к операции. Бесконечно тянутся часы, минуты... Отец, словно мраморное изваяние, застыл у двери операционной. Невидимая тень Надежды то, проходя сквозь стену, склонялась над операционным столом, то возвращалась к Отцу, терпеливо Его утешая. Она не имела права оставить Его одного. В этом – смысл жизни. Но ещё был Страх. Страх потерять этот смысл. Ледяной гадюкой заползал Он в измученное сердце Отца, пытаясь ужалить Надежду... Наконец, двери распахнулись. Отец боялся шелохнуться. Только воспалённые, в красных прожилках, глаза смотрели на доктора умоляюще вопросительно...

– Сделали всё, что могли. Будем надеяться, Отец...

Впервые за много дней Он вдруг почувствовал, как устал, как отяжелели веки, руки, ноги, а перед глазами поплыли белые стены и люди в белых халатах... Пройдёт ещё немало времени прежде, чем Сын снова откроет глаза и произнесёт такое долгожданное слово: «Папа...».

2011г.

Колдун.

Это случилось в послевоенной кубанской станице. Городская девушка Марта после окончания педагогического училища была направлена на работу в сельскую местность. Благодаря молодости и приобретённому горькому опыту сироты, она умела приспособиться к любым перипетиям судьбы, любым бытовым условиям. Марте нравились и мелководная речушка с чистой прозрачной водой, и великолепные степные просторы, и зелёные рощи с изумрудной листвой, где природа в своей первозданности особенно щедра и неповторима. Но больше всего молодой учительнице нравились любознательные сельские ребята с их кубанским наречием, которое она не всегда понимала. Её ученики с удовольствием «переводили» значение слов «кабыця», «сапетка», «глэчик», «цыбуля» и др. Она учила их, а они учили её, свою учительницу. А ещё Марта очень любила кубанские песни. Украинский фольклор тесно переплетался с весёлым нравом и задором кубанских казачьих мотивов. Многие шуточные песни, такие, как «Варэнычкы», «Курка-чеботурка», «Ты ж мэнэ пидманула» Марта с удовольствием напевала, имея чистый сильный голос. А майскими волшебными вечерами можно было услышать мелодичное и задушевное пение сельских солистов: «Мисяць на нэби, зиронькы сяють...», «Цвитэ тэрэн, цвитэ тэрэн...» Каждая улица звучала по-разному, как отдельная нота: где-то были слышны аккорды баяна, где-то заливисто «пела» гармонь, раздувая свои меха. Уличные коллективные гуляния сельской молодёжи были привычны для станичников. Марта готовилась к отпуску. Её ребята были уже на каникулах, поэтому вечерами она и сама частенько выходила с подругой погулять, пьянея от запаха цветущей липы и чайных роз, в изобилии растущих в большинстве сельских дворов. Однажды ранним воскресным утром Марта отправилась в лес за грибами. Степановна (хозяйка, у которой она жила на квартире) отменно готовила грибницу и жареную «картошечку» с маслятами. Это стало любимым блюдом девушки, поэтому ей захотелось, чтобы воскресный завтрак был непременно грибным.

Утро было необыкновенным: ещё не началась полуденная жара, а ночная прохлада ещё пряталась под берёзами и осинами, но уже солнышко, умытое утренней росой, взялось за палитру с разведённой золотом акварелью и стало щедро закрашивать просветы между деревьями. Солнечные зайчики разбежались по полянкам, раздаривая тепло травам, цветам, насекомым... Смешанный лес, этакий живой организм, жил, дышал, наполнялся звуками. В разноголосом птичьем оркестре пели скрипочки-синички. Тр-р-р-р... – раздавалось эхо где-то вверху, заполняя лесное пространство – это дятел стучал по стволу высокой сосны, выискивая короедов. Марта, пьянея от хмельного лесного воздуха с примесью хвои, от необыкновенной

гармонии природы и человека, царившей в лесу, на мгновение забыла о грибах. Она, городская девчонка, просто шла и наслаждалась здешней красотой. Затем, вспомнив о цели своей прогулки, Марта стала пристально вглядываться вдоль тропинки и под деревьями, вороша бугорки, где могли прятаться грибы. Вдруг ей открылось настоящее грибное чудо: целое семейство маслят с липкими коричневыми шляпками. Она аккуратно срезала ножки под самый корешок, снова и снова натываясь на целые грибные полянки. Девушка не заметила, как углубилась в самую чашу леса. Корзинка быстро наполнилась грибами, но приподнятое настроение испортилось, как только Марта убедилась, что тропинки ей не найти. Она стала пробираться сквозь густой кустарник молодого орешника, как вдруг наткнулась на странного человека с котомкой через плечо, который разглядывал какие-то корешки, пробуя их на зуб и пряча в свою котомку.

– Здравствуйте, дедушка, не покажете ли дорогу в станицу? Я, похоже, заблудилась... Дед пристально посмотрел на неё, и от этого взгляда ей стало не по себе. Его водяные, бывшие когда-то голубыми, глаза напугали девушку.

– Ступай за мной, – глухо прозвучал его голос.

Он стал молча спускаться с пригорка, и Марта последовала за ним. Вдруг что-то прошуршало под ногами, едва не коснувшись её ноги. Девушка пронзительно вскрикнула и в ужасе увидела, что её провожатый, молниеносно среагировав, схватил ползучую тварь за голову и тут же сунул в свою котомку. Что это было – уж или змея – Марта не поняла, всё произошло так быстро, что она не успела испугаться, а её спутник, молча, как ни в чём не бывало, продолжал свой путь. Наконец, вышли на знакомую тропинку.

– Благодарю вас, дедушка. Но кто вы, как вас зовут?

– Много будешь знать – скоро состаришься. Впрочем, Илларион, обращайся, коли нужда... С этими словами он скрылся в лесу, а Марта поспешила домой.

– Наконец-то, душа моя, где же ты пропадала? Время-то уже полуденное, – запрочитала хозяйка, увидев с порога открывавшую калитку Марту.

– О, да ты никак в гости к старичку-лесовику ходила. Ишь, сколько грибов набрала!

– К нему, Степановна, к нему. Даже имя его знаю: Илларион.

Степановна едва черпак не выронила...

– Ну-ка, девонька, сказывай, как пересеклись ваши пути?

– Да как, увлеклась я грибами, сбилась с дороги, забрела в самую чашу, а он там коренья какие-то собирал. По правде сказать, испугалась я, странноватый какой-то дедуля. Но на дорожку вывел, даже от гада ползучего спас.

– Странноватый – не то слово... Колдун он, вот кто! Живёт на отшибе, последняя изба возле пустыря. Добропорядочные люди обходят её стороной. Мало что о нём известно, живёт затворником, ни семьи, ни родни. Говорят, из «бывших» он, репрессированных. Было время. Зажиточных казаков раскулачивали и высылали за пределы Кубани.

– Вот видите, Степановна, человек, может, пострадал, а вы – колдун, колдун...

– Кто ж его знает, добрый он или злой. Однако скотину лечит, да и соседского мальчишку, сказывают, от «водянки» спас.

– Глупости всё это, Степановна, не верю я ни в леших, ни в колдунов, ни в какую другую чертовщину.

– Не приходилось ещё, вот и не веришь. А я вот знаю, что есть люди, которые умеют и порчу навести, и тоску любовную...

Вскоре Марте снова пришлось косвенно столкнуться со странным стариком, которого все называли колдуном. В самом начале сентября, когда осень на Кубани ещё совсем, как лето, в жизни станицы намечилось радостное событие – казачья свадьба. Жених был рослым красавцем, потомственным казаком-земледельцем, полюбившим девушку Анюту, жившую по соседству со Степановной. Анюта подружилась с Мартой и частенько вытаскивала её вечерами

«на улицу», пытаясь сосватать городскую «училку» за бравого кубанского хлопца. Друга своего любимого. Именно эта пара (с «дальним прицелом») должна была стать свидетелями на свадьбе. Марта с головой ушла во все тонкости свадебных приготовлений. Казачьи традиции и обряды удивительны и своеобразны, особенно, сватовство! Отцом жениха назначались два старосты из казаков средних лет, которые с «паляныщей» отправлялись в дом невесты. Золотой россыпью народных «балачек», шуток-прибауток велись свадебные переговоры:

– Здоровэньки булы в ваший хати! У вас товар, у нас – купэць, гарный хлопэць-молодэць. Так чи нэ будэмо мы сватамы?

Если невеста подаёт старостам свой хлеб, то это – знак согласия. Если же им вручали «гарбуза» – это означало отказ.

Как правило, на таких мероприятиях гуляли все станичники: свадебная делегация с приглашением на торжество обходила все дворы. Только старик Илларион не был удостоен такой чести. Забыли о нём. Свадьба «гудела» на всю округу! Марте всё было интересно: и выкуп невесты, и песни-пляски, и ряженые цыгане, и отважные казаки с джигитовкой... Горилка текла рекой, столы ломились щедрыми дарами богатой кубанской земли. И вот в самый разгар веселья кто-то из парней вспомнил о старике-колдуне и предложил всей компанией подшутить над ним. Нетрезвая весёлая толпа разгулявшейся молодёжи двинулась через пустырь к одинокой избе. Что и как там было, никто толком не помнит, только спохватились на свадьбе, что нет парней. Вспомнив, что они намеревались идти к колдуну, пошли искать шутников. Каково же было изумление Марты, когда на подходе к пустырю она увидела картину, поразившую её воображение! Там была большая навозная куча, а вокруг неё сидели парни и сосредоточенно что-то жевали. Присмотревшись, Марта ахнула: «шутники» набирали горстями содержимое навозной кучи, обмакивали всё это в нечто, только им видимое, и отправляли себе в рот. Они были уже изрядно измазаны и дурно пахли, при этом так аппетитно причмокивали, как будто поглощали вкуснейший деликатес! Долго не могли привести в чувства парней, пришлось идти на поклон к старику Иллариону. А когда не без его помощи они «прозрели», то им пришлось «вспомнить» все обеды, съеденные задолго до свадьбы. Удивительно то, что каждому казалось, будто сидят они за столом и едят хрустящую квашеную капусту, макая её в ароматное подсолнечное масло. Этот случай был не иначе, как массовый гипноз. Вот только колдун после этого куда-то исчез. Поговаривали, что видели «чёрного воронка» на пустыре, но толком так никто ничего и не знал.

2016г.

Хомич Алина

г. Анапа Краснодарского края «Открытие» Малая проза

«Последний день Ляжкиной».

Сегодня Савелий Яковлевич находился в чрезвычайно нервном напряжении, которое было с одной стороны весьма приятным, как при ожидании скорого освобождения от тяжкого груза и грядущим за сим событием наступления спокойной жизни. Но с другой стороны – оно отзывалось постоянным ощущением покалывания в подушечках пальцев и мыслями – «а вдруг что-то пойдёт не так». С таким двояким состоянием Савелий Яковлевич сталкивался только однажды в своей жизни: когда ожидал известий от своей дочери во время рождения его первой внучки. Нордически стойкий по натуре человек дал слабинку – толи из-за возраста и нарастающей в связи с этим усталости, толи из-за прессинга, который он стойко пытался выдержать последние восемнадцать дней. И вот, настал, наконец, тот день. День освобождения. Последний день Ляжкиной. С момента появления этой мадам в санатории, где Савелий

Яковлевич вот уже двадцать лет работал главврачом, ни один сотрудник не чувствовал себя спокойно и безопасно. Постоянное ощущение приближающегося скандала доводило персонал до нервного тика. Несколько медсестёр даже взяли больничные, пока Ляжкина не покинет стены санатория. Самому Савелию Яковлевичу ежедневно, практически ежечасно, поступали жалобы от неугомонной мадам. А следом в кабинет главврача непременно влетала, собственной персоной, автор кляуз и устраивала безобразные сцены. Начиналось всё с возмущённых криков, затем звучали угрозы, а за ними – попытки вызвать жалость к «несчастной замученной санитарками женщине» и выпросить либо несколько дополнительных не причитающихся ей процедур, либо освободившийся номер люкс, либо требовала уволить одного из «не годных» сотрудников, и так далее. Не получив желаемого, она приправляла жаркую речь фырканьем, презрительным выражением лица и, уходя, хлопала дверью.

Савелий Яковлевич все эти восемнадцать дней чувствовал, что ходит по лезвию бритвы, ведь если Ляжкина напишет на него жалобу в Министерство здравоохранения или прокуратуру, как и обещала, то безбедной пенсии, которая уже близилась, ему не видать. Ляжкину в санатории возмущало абсолютно всё. Она, полностью уверенная в том, что раз лечится по льготной путёвке, как пенсионер, непременно должна отправиться в лучший санаторий Европы, ну или на худой конец России. Каково же было её недоумение и возмущение, когда вместо all inclusive она получила крайне скромные апартаменты и диетический стол за номером семь в небольшом санатории заштатного городка, затерявшегося в Кавказских горах. Мало того, в санатории явственно просматривался стойкий отпечаток советских времён. А ведь ей так много усилий стоило выбить себе путёвку. Не смотря на наличие пенсионного удостоверения, Ляжкина обладала недюжинным здоровьем, коим не могут похвастаться многие молодые люди. Но уж очень приятна была мысль отдохнуть за государственный счёт. Задавшись целью, она начала собирать необходимый для своей миссии пакет документов и застряла на одном из первых пунктов – медицинские показания. Без соответствующих медицинских показаний путёвку ей не получить, но мадам решила пойти своим проверенным способом – через скандал. Она неделями осаждала кабинет главврача местной поликлиники. Кричала, ругалась, угрожала письмом в прокуратуру, Минздрав и даже президенту. Работа заведения стопорилась, особенно когда Ляжкина изливала свой гнев прямо посреди коридора. Её пытались успокаивать, но было бесполезно, пока главврач не сдалась и не выписала ей справку.

Окрылённая своей победой и вдохновлённая собственной настойчивостью, мадам вошла санаторий с намерениями отдохнуть морально и физически. Она, твёрдо уверенная в том, что является утончённой и изысканной дамой, с порога насмешливо возмутилась что «администратора могли бы найти и по милovidней». И отчитав сотрудницу за то, что в штате не числится консьерж, Ляжкина, скривив презрительно губы, с высоко поднятой головой последовала за администратором в свой номер. Именно с этого момента началась череда эгоцентричного террора Ляжкиной, когда она обнаружила что номер не на одного человека и ей придётся жить с соседкой.

Вихрь истерик закружил саму мадам, весь несчастный персонал санатория и его постельцев. Горничные научились ходить по коридору совершенно беззвучно, а работницы столовой точно знали для какого стола необходимо обязательно смастерить лебедя из салфеток и следить, чтобы соль в солонке ни в коем случае не была отсыревшей. Все без исключения сотрудники санатория старались избегать Ляжкину. Вступать с ней в перепалку запрещалось по должностной инструкции, а кому то не позволяло воспитание. Но вот жалобы, в любом случае – не избежать. Единственный кто противостоял напору скандальной мадам – её соседка по комнате. У них сразу возникла взаимная антипатия. Ляжкина называла соседку хабалкой, а та в свою очередь высмеивала букли на её юбке и нарочито наигранные манеры. Несмотря на скверность характера, Ляжкина свято верила в то, что является замечательным, весьма талантливым, а при более близком рассмотрении – даже гениальным человеком. На второй

день пребывания в санатории мадам, надев туфли с острыми носами и атласными розочками, грациозно подплыла к кабинету заведующего культмассовым сектором. Мило поздоровавшись с интеллигентной немолодой сотрудницей, она выразила желание выступить со своими песнями в один из вечеров на концертной площадке санатория. Заведующая, повывавшая за свою карьеру не мало загадочно-интригующих, можно сказать полу сумасшедших личностей, понимала, что перед ней взрывоопасная мадам, дала своё согласие. В назначенный день, преисполненная собственного достоинства Ляжкина, поднялась на сцену. Ощущая себя примадонной, пройдя царственной походкой, не бросив ни единого взгляда на зрителей, она начала взгромождаться на табурет. Когда на площади табурета, путём переминаний ей, наконец, стало удобно сидеть, она откинув голову, как можно изящней взмахнув руками, взяла первые ноты на блестящем чёрном рояле. Играла она так упоённо и самозабвенно, что не замечала недоуменных взглядов пришедших на концерт зрителей. Перед ними на сцене вся в безвкусных рюшах сидела чванливая мадам и нелепо жеманничая, мучила инструмент. Она неловкими движениями пальцев нажимала на клавиши, явно не выдерживая нужный ритм произведения и постоянно фальшивила. Но мастерство на уровне начальных классов музыкальной школы ушло далеко на второй план, когда Ляжкина запела. Пела она столь же неподражаемо, как и играла. Голос её дрожал и был похож – то ли на завывание мальчика в пубертатный период, то ли на сиплые визги, как после мучительной ангины. Её и без того презрительное выражение лица скривилось ещё сильнее и могло показаться, что она нажимала не на клавиши рояля, а пальпировала мёртвое животное. Люди один за другим начали покидать зал. К моменту, когда Ляжкина закончила своё выступление, из зрителей осталась одна ошарашенная заведующая культмассовым сектором, которой пришлось выслушать от исполнительницы уйму обвинений в отсутствии вкуса у людей и неумении руководства привить им этот самый вкус. Ляжкина мнила себя творческой личностью глобальных масштабов. Помимо музицирования и пения, ей доставляло необычайное удовольствие писать картины на пленэре. Наслаждаясь утопающим в горах закатным солнцем, мадам вдохновенно ваяла очередной шедевр «всех времён и народов». Здешняя природа, богатая красками, дарила ей вдохновение – один мазок за другим. Когда произведение было завершено, она заставила администратора повесить картину в холле, непременно на видном месте, и проследила, чтобы её крайне настоятельную просьбу обязательно исполнили. Теперь все проходящие по холлу были вынуждены любоваться безвкусной интерпретацией местного пейзажа.

Как и полагается доморощенной царственной особе, Ляжкина воспринимала весь персонал санатория как челядь, презрительно глядя на их халаты и фыркающая, проходя мимо. Проявлять такт по отношению к ним мадам так же не считала достойным своей персоны. Как то, разговаривая в коридоре по телефону, она зашла в первую попавшуюся дверь, чтобы скрыться от шума. Это оказалась сестринская, где уставшие медсёстры пили чай в перерывах между капризами некоторых оздоравливающихся пенсионеров. Три сотрудницы от неожиданности открыли рты, набитые бутербродами с колбасой. Женщины с заморёнными лицами и печальными глазами предполагали, что мадам тот час же выйдет, когда поймёт, что прервала трапезу. Но... Ляжкина, увидев их, вместо того, чтобы извиниться и уйти, надменно фыркнула и продолжила беседу, погрузившись в неё не менее чем на десять минут, изредка бросая презрительные взгляды на персонал, поглощающий, по её мнению, плебейскую пищу, рядом с которой и находиться было неприятно.

Во время лечебных процедур Ляжкина изо всех сил пыталась ощутить себя королевой, но ей вечно что-то мешало – то вода ей казалась не оптимальной температуры, то пузырьки слишком крупными, то глаза у персонала не достаточно подобострастные, то внимания слишком много или мало. Всё в любом случае раздражало пациентку и неминуемо приводило к скандалам. Одну медсестру она особенно невлюбила и писала на неё по несколько жалоб в день, так что даже сам главврач посоветовал своей несчастной сотруднице взять неделю

отгула. Ляжкину очень вдохновляли прогулки по территории санатория. Она любовалась соснами, которые склоняли от порывов ветра свои ветви, и ей казалось, будто они преклоняются перед ней в приветственном реверансе. Ляжкина представляла себя императрицей, гуляющей по дорожкам дворцового сада, в сопровождении своей свиты, от чего её голова ещё выше приподнималась, а взгляд становился надменнее. На одном из перекрёстков дорожек обосновался небольшой киоск с напитками. Однажды Ляжкина купила в нём бутылочку воды и вдруг услышала, как в кроне высоких деревьев запел свою неповторимую песню соловей. Мадам, со вздохом: «Ах», закрыла глаза, откинула голову назад как можно грациозней, изящно положила руку на грудь и, сделав вид, что наслаждается песней, из-под ресниц подглядывала, смотрит ли на неё продавщица, заметила ли та, как она элегантна. Поняв, что реакции от продавщицы не последовало, кроме кривой улыбки, непризнанная актриса, не получив желаемой доли восхищения и подумав, «ну и плебейка», продолжила свою прогулку. В заветный и такой ожидаемый для всего санатория последний день Ляжкиной, сотрудники находились в приподнятом настроении, но всё же на всякий случай проявляли осторожность. Даже администратор, обычно серьёзная девушка, сегодня улыбалась. Савелий Яковлевич с самого утра сосредоточенно просматривал документы, в надежде что так, погрузившись в работу, время пройдёт быстрее, и он дожждётся счастливого расчётного часа. Когда до долгожданного события оставалось всего тридцать минут, в его кабинет, как всегда, без всякого стука вошла Ляжкина. Главврач похолодел, а левый глаз его задёргался. На удивление Савелия Яковлевича мадам мило поздоровалась с ним и сказала, что на память о своём пребывании в этом санатории, она написала чудесное стихотворение и желает одарить его данным подарком. Отведя одну руку в сторону и запрокинув голову, Ляжкина, наслаждаясь собственным сочинением, продекларировала:

Еле-еле чахнут ели,
Кудри золота кляня.
Янтарём волос болеют,
Виновата ль в этом я?

С последними словами Ляжкина шлёпнула на стол лист бумаги и вышла, хлопнув дверью.

Категория «Открытие-2» Поэзия (возрастная группа после 35 лет)



Ефимова Татьяна Анапа Поэзия «Открытие-2»

Когда спускается туман
и холод заползает в душу,
Когда суровый океан
терзает душу, словно сушу,
Когда под скорбный плач сирен
корабль мой на рифы мчится,
и давит мир привычных стен —
я знаю, что-нибудь случится.
Когда проиграна война,
когда росток надежды хлипкой
Умрёт, и ляжет тишина
на плечи паутиной липкой,
Когда присутствие теней
расскажет больше слов фальшивых,
Я соберу обрывки дней,
как снимки в диапозитивах.
И память всех прошедших лет
под грифом «Личное! Секретно!»
Закрою в шкаф на шпингалет,
пополнив склад своих скелетов,
И страх поправ, корабль свой
направлю в сердце урагана,

Всё то, что суждено судьбой,
отдам на откуп океану.
Отсчёт обратный – семь, шесть, пять...
а впереди бушует бездна,
Четыре, три... не отступать!
Что там за бездной, неизвестно.
Текут секунды, словно мёд;
я понял, что должно случиться —
Что было сил, я грёб вперёд
лишь для того, чтобы родиться.

...

Ходят лошади в тумане —
Под копытами трава,
Словно в сонном океане,
Небольшие острова.
Фыркнут тихо, вздёрнут гривой,
Разгоняя дремоту,
И бредут неторопливо,
К мирно спящему пруду.
Трепетно туман тягучий,
Расстиляет свою ткань,
Что-то шепчет дуб могучий,
В тишине, в такую рань.
Его голос мягко гаснет,
В зачарованном лесу,
Где-то рядом бродит Счастье,
Обивая с трав росу.
В этой сказке, гость неожиданный,
Я, бродил уже давно,
Холод воздуха, туманный,
Пил глотками как вино.
Слушал, как неторопливо,
Лошади бредут к пруду,
Что ж ты счастье, так пугливо,
След, никак твой, не найду.
Так и бродим мы в тумане,
Слева, справа – западня,
Словно в сонном океане...
Где-то счастье, где-то я.

...

Меч двуручный давно заржавел,
Плащ и стяги потрёпаны ветром,
Старый рыцарь – герой не у дел —

Прожигает рассвет за рассветом.
Год за годом победы свои
Он описывал перьями в книжке,
Веря в то, что про схватки, бои
Прочитают когда-то мальчишки.
Что зажжётся над кем-то звезда,
Вновь отыщется меч в замке старом,
И опять, так как было всегда,
В путь отправится юноша с жаром.
Будет подвиги он совершать,
Прославлять своё имя героя,
На закате лет книги писать,
Наслаждаясь жизнью простою.
А спустя много зим, много лет
В эру гаджетов кто-то промолвит:
«Нет героев, и рыцарства нет»,
Вопрошая: «Нужны ли герои?»
Но пока кто-то споры ведёт,
Любопытный и смелый мальчишка
Меч двуручный средь хлама найдёт
И с рассказами старые книжки.

...

Когда вернёшься ты домой,
Поймёшь – никто тебя не ждёт,
Не выйдет старый, верный пёс
Встречать, как прежде, у ворот.
Не станет мама причитать
Сквозь слёзы: «Где ж ты был, сынок?»
И от волнения поправлять
За годы выцветший платок.
Его ей подарил отец —
Ты помнишь? Он тогда не знал,
Что болен. И как через год
Господь его к себе призвал.
А через год ушёл и ты,
Сказал, что в город, за мечтой,
И очень долго старый пёс
Бежал, скуля, вслед за тобой.
Пятнадцать лет прошло с тех пор,
Про дом свой ты почти забыл —
И не звонил, и не писал,
И мать свою не хоронил.
Пять телеграмм! Все – не дошли...
Ведь, где ты был – никто не знал,
Единственный, любимый сын!
Ты всё мечту свою искал.

А мать ждала, и каждый год
Ей в волос добавлял седин,
И, угасая от тоски,
Она ждала: «Вернётся сын»!
Что ж, ты вернулся, но никто
Тебя уже давно не ждёт —
Лишь ветер гонит жёлтый лист
У покосившихся ворот.
Твой дом глазами окон
Устало смотрит на тебя,
С укором пожелтевший клён
Вздохнёт, чуть листьями шурша.
Как отмолить теперь свой грех?
Эх, повернуть бы время вспять,
И ты вернулся бы домой,
Туда, где ждёт старушка-мать.

...

Ангел мой, я ещё для тебя не потерян,
Я ещё не дотла, всё в своей сжёг душе,
За собой я ещё не захлопнул все двери,
Хоть как столп соляной и застыл на меже.
Ты не плачь, ангел мой, здесь и так очень влажно,
Всю неделю льёт дождь, в лужах стынет земля,
Ты в меня просто верь, для меня это важно,
Просто мне нелегко. Неприкаянный я.
Не грусти, ангел мой, что твой голос не слышу,
Ты молись за меня, да и я помолюсь.
Заберусь высоко, на промокшую крышу —
Я откинул свой страх, и летать не боюсь.
Ты не плачь – я для Бога, ещё не потерян,
Я ещё не дотла, в своей выжег душе
Всё, что ты мне дарил, во что с детства я верил,
Хоть как столп и застыл меж миров на меже.

Петрова Наталья
г. Анапа, Краснодарского края
«Открытие-2» поэзия

Кочет-Петька поет. Рассвело.
Пробужденье в кубанской станице...
Зазвенело в колодце ведро,
За студеной спускаясь водицей.
И на сердце свободно, легко —
Утро бодростью всех зарядило.

Будто не было трудных деньков,
Будто память о них позабыла.
Тишина увлекает, манит,
Когда ты от нее далеко,
И зовет, если сердце болит,
Если в жизни порой нелегко.
По-осеннему небо сурово,
Тучи сдвинулись плотно в ряды.
Осень платье надела новое,
Оголила кусты и сады.
И от строгости веет холодом.
Нет следа от ее пестроцветья.
Все опутала серым пологом,
От избытка чувств – междометья.
Ах, как холодно. Ух, морозит.
В вальсе снег с ветром хлестким кружится,
Разметаёт листву, уносит.
И хрустят леденцами лужицы.

* * *

...

По горному склону,
Меж сосен и елей
Ты мчишься, как будто
На крыльях метели.
Морозец игривый
Кусает за щеки,
Сороки на соснах
Трещат белобоки.
Моргнуть не успел,
Как вихрастые ели
Тебя нарядить
Серпантинном успели.
Колени дрожат,
Предвкушая паденье,
И вот он прыжок!
А потом приземленье...

* * *

...

Дух парного молока
Над селом несется.
Скоро ночь, ну а пока
Где-то песня льется.
Пастушок мне незнаком,
Чуть бредет за стадом,
Пахнет вкусным молоком,

Спелым виноградом.
И хозяйки у ворот
Ждут своих буренок.
Ждет кормилицу сынок,
Рыженький теленок.
И хозяйки у ворот
Ждут своих кормилиц.
Разбредается народ
С опустевших улиц,
Чтоб за кружкой молока,
Отварной голландкой
Все решить наверняка,
Да без перебранки,
Обсудить прошедший день,
Чтоб с рассветом в поле,
Припугнуть лентяйку-лень,
Что просила воли.

* * *

...

Роскошные пальмы
Магнолий аллеи.
Чем дальше я еду —
Природа щедрее.
По камешкам
Бурная речка течет.
В полуденном зное
Для путника – мед.
По горной дороге
Спускаюсь к ручью.
Сейчас я студёной
Водицы поплюю.
И дышится легче,
И даже поется,
От счастья и песня
Свободнее льется.
Вдали, между гор
Синева заплескалась.
Пейзажи, как в сказке, —
Себе я призналась.
А солнце все жарче
И жарче палит,
Песок золотистый
На солнце блестит,
А волны-кочевники
Берег ласкают.
Вдали миражи
Появляются, тают.

Качаются чайки
В пенной волне,
Их крики отчетливо
Слышатся мне.

Пешкова Светлана Г. Липецк «Открытие-2» Поэзия

Я встречу май в приморском городке,
где пёстрый день слоняется по пирсу.
Там жизнь летит беспечно, налегке,
пекут лаваш – чуть толще, чем папирус.
А кофе, обжигая горько рот,
дурманит смесью перца и корицы.
Там рыжий пёс у рыночных ворот
кого-то ждёт, заглядывая в лица
таких же отдыхающих, как я, —
беспечных, бледноликих и нездешних.
Сидеть в кафе, любуясь на маяк,
душистый чай закусывать черешней.
И, от безделья мучаясь, искать
героев ненаписанных романов,
Прислушиваясь к шёпоту песка
заветных берегов обетованных.
Я здесь жила. И сотни лет назад
лаваш пекла, рвала черешню в мае.
Мне рыжий пёс заглядывал в глаза,
он был моим, я точно это знаю.
...Седой хамсин окутывал залив —
мне этот день веками будет сниться —
я помню кровь в оранжевой пыли
и тряску в незнакомой колеснице,
горячий липкий взгляд, холодный зной,
желанье умереть и ужас выжить.
И мчалось солнце по небу за мной
отважным псом – взлохмаченным и рыжим.

2016 г.

...

Нам нужно расстаться на двадцать холодных недель.
Устав от разлук, я всё чаще мечтаю остаться —
избавить себя от билетов, вагонов и станций,
нехватки доходов и хватки нахлынувших дел.
В моей стороне и пруды, и озёра пресны,
а реки смиренны в течение своём молчаливом.
Уже в октябре леденеют речные заливы,

и воды стоят хрусталём до прихода весны.
А здесь... разомлевшее солнце – оранжевый скат.
И небо, в сравнении с нашим, синее и чище.
Девчушка на пляже морские сокровища ищет,
а мальчики строят пиратский корабль из песка.
Решиться, остаться – об этом мечтаю давно:
в придуманном доме пять окон – и все на закаты,
не нужно сокровищ, я солнцем и морем богата.
Я знаю, где боги хранят золотое руно...

2014 г.

"А мыльные пузырьки летят"

Ей старший брат рассказывал вчера
О сахарной загадочной пустыне —
Там днём стоит ванильная жара,
И воздух пахнет сладкой спелой дыней,
Клубникой, абрикосом, крем-брюле...
Там ночью льётся с неба кока-кола,
А утром на песках лежит желе...
Ей брат сказал, что скоро бросит школу,
Угонит реактивный самолёт,
И улетит в пустыню – безвозвратно.
И, может быть, её с собой возьмёт,
Чтоб знала: он хороший и не жадный.
Ей пьяный дед всю ночь играл фокстрот
На стареньком фальшивом саксофоне,
И махом заливал в беззубый рот
Стаканы самогонной мутной вонючки.
На кухне мать, нетрезво хохоча,
Соседа Юру щедро принимала.
Он выгнал две кастрюли первача,
Но на троих пять литров – это мало,
А дед хотел ещё чуток бухнуть.
Сосед притих, уснул на кухне голым.
А девочка просила тишину,
Чтоб старший брат быстрее бросил школу.
Ей утром брат сказал: «Вставай скорей!
Иди во двор, а то своё получишь!»
И дал флакончик мыльных пузырей:
«Дождись меня, домой не суйся лучше!»
Она сидит. Вернётся скоро брат.
Ей хочется забрать с собой кастрюли —
В них можно кока-колу собирать
Для мамы, деда. Хватит даже Юре.
Она возьмёт и кошку, и котят,
Лоскутики, альбом и куклу Раю.
...А мыльные пузырьки летят

И лопаются, брызгами сверкая...

2015 г.

...

От дождей раскисает, от зноя горит —
этот город непрочен, как фантик бумажный.
Я покину его на исходе зари —
пусть не скоро, но это случится однажды.
Если в небо ненастное долго смотреть,
то глаза начинают невольно слезиться...
Мне осталась от жизни последняя треть,
но боюсь, что достанутся только крупницы.
Вот опять собираются тучи в стада,
и пасутся гурьбой на макушках высоток.
Этот город сроднился с дождём навсегда,
и от слякотных луж никогда не просохнет.
Будет небо на площади вольно лежать,
зеленя и морщась от скуки смертельной,
отражая летящего с юга стрижа,
купола на соборе и трубы котельной.
Если долго на птиц перелётных глядеть,
то когда-нибудь точно появятся крылья...
Этот город не вечен. Он тонет в воде,
будто силы небесные кран не закрыли.
И стекают на землю потоки дождя
с почерневшего неба, разбитого громом.
Будет город тонуть, никого не щадя...
Я спасусь. Я хочу умереть по-другому.

2016 г.

Глухова Вера
Краснодарский край, Анапский
район. п. Витязево «Открытие-2» Поэзия

*Моя весна цветущая ушла,
И лето с жаром буйно отгорело,
Настала осени душевная пора-
Так в листопаде закружила смело.
Играя буйством красок озорных,
Полутонов с годами различных.
Я словно в омут с головою в них,
Но камушки на дне уже не достижимы,
И омут отрезвляющий – холодный.
Лицо и тело «жухнут» на глазах.
Досаден привкус сожаления
О молодых давно ушедших днях —*

*Там красота, там жизненная сил.,
Теперь лишь понимание того,
Что неизбежно и неотвратимо.
Сезонное от жизни полотно.
Хотя... и в осени ни мало шарма:
– бал листопада, тихие дожди.
И понимание до тонкости друг друга,
До глубины звенящей пустоты.
Лукавства искорки – во лжи не скроешь,
Когда слова от сердца далеки.
Пусть ты в глаза мои невинно смотришь
Их отблески в движениях руки.
С надеждой верю в теплый лучик солнца,
Пусть он согреет мыслей темноту,
Подарит напоследок листик желтый.
А большего давно уже не жду...*

...

...

*Живут на тихой улочке в сиреновом саду,
бабуленька с дедуленькой. Я в гости к ним иду.
Печет блины бабуленька и с нетерпеньем ждет,
а дед готовит удочки, рыбачить он пойдет.
Речушка серебристая невдалеке течет,
и дедушка с собой меня купаться позовет.
Наловим мы на удочку «сорожек» и лещей
и сварит нам бабуленька ушцы по жирней.
Накроет стол заботливо в сиреновом саду,
и блинчики поставит и вкусную уху.
А за столом внимательно расспросит нас о том
как в речке мы купались под маленьким мостом.
Похвалит нас бабуленька, и отдохнуть пойдет,
а дед гамак повесит на сливу и уснет.
Закрою я калитку, и тоже спать пойду
а завтра солнце встанет, я снова к ним приду.*

...

...

*Есть одно местечко – сказка на яви:
речка серебристая, камушки на дне.
Темная скала над зеркалом реки
отражает в водах острые клыки.
Создала природа загадочный пейзаж:
тополя высокие, будто строгий страж.
Будто охраняют сказочный дворец,
где сияет солнце, заводи там есть.
Заводи там тихие, теплая вода,*

люди очень любят приезжать сюда.
разделяют заводы ивняка кусты
создают пространства дивной красоты.
Вот болотце с ряскою, по краю камыши
– Царство Водяного спряталось в тиши.
А под старой ивой темная вода
в глубине коряга с лягушками видна.
В центре, словно светлый зал, бассейн голубой,
люди отдыхают здесь в палящий зной.
Над чудесным местом сверху мост висит
он над головами будто бы парит.
Поезда там изредка гудок свой подают,
нарушая тишину, праздничный уют.
У скалы вдруг сказок образы всплывут —
нечисть – водяные и русалок круг.
Слышен голос филина, крики воронья,
ступа приближается в ней баба Яга.
Лихо одноглазое молнией разит
дьявольщины хохот над рекой звучит.
«Змей Горыныч» пламенем хочет меня сжечь.
Гермиона колдовством Волонда отвлечь.
Гарри Поттера спасти Рон спешит к друзьям.
Гоголевский Вий не отводит взгляд.
Жутко мне становится, к заводям спешу,
где режутся дети в летнюю жару,
кто бывал здесь летом, вспомнит он сейчас
– дивное местечко, загадочный пейзаж.

...

...

Мой дивный городок – **частичка сердца**
Ты – песнь души, ты – Родина моя!
Закрыв глаза, волнительно и нежно
Я вспоминаю милые края.
Затерянный в глухой седой Сибири
Провинциальный, тихий городок.
Подобные по всей стоят России.
Ты, – отзвук детства, жизненный исток.
Здесь первые шаги, закаты и рассветы.
Здесь отчий дом от бури укрывал
Здесь лихо школьные промчались годы,
Счастливым каждый стать тогда мечтал.
Мой городок не суетный и милый,
Залитый солнцем в летнюю жару.
Зимой укрыт заснеженностью белой.
В любой сезон хранишь волшебную красу.
Вот улочки со старыми домами
Наличников резная красота,

фантазией умельцев удивляет.
Пусть потрепали их изрядно времена.
Купечества солидные постройки:
фасады – украшенья на века,
Они лицо, характер, даже больше,
достоинство и сердце городка
А вот и двор, где порезвилось детство —
песочница, скамейка, тополя.
Березка белая, под ней беседка,
здесь и сейчас встречаются друзья
До боли покосились серые заборы
Но узнаваемы еще места,
где протекали шумно игры, споры.
Из памяти слышны их голоса
Мой дивный городок – частичка сердца.
Ты песнь души, ты Родина моя.
Закрыв глаза, волнительно и нежно
лечу на крыльях в милые края!

...

...

Любовь, ко всем ты однолика.
Желаньем каждого томишь.
Тепло души отдать другому
порой взаимности не получив.
Ты бесконечно удивляешь
бездонностью и глубиной,
Ты, как Вселенная безмерна,
Суть жизни, человеческая Соль
Любовь – к себе, любовь к ребенку

Любовь – к родителям, к семье.
Любовь – к прекрасному творенью.
Любовь – к природной красоте
Любовь – в большом и очень малом.

Любовь основа всех основ.
И не было б на свете счастья.
Мужчин и женщин. Все Любовь.
В многообразье проявлений
Ты бесконечно велика.
Волненье чувственного моря.
Страстей пленительных река.
А если вдруг ты не взаимна...
желаемое не твое.
Твой страшен гнев, и ты надменно
творишь безжалостное зло.
Шаг в сторону, и ревность гложет.

Во взгляде ненависть искрит.
Никто, ничто не остановит.
Мосты сжигаешь разом, в миг
О, всемогущая Любовь —
создатель ты и разрушитель.
В живом пульсируешь в такт сердца,
души незримая обитель
А без тебя движенья нет
и все мертво и нет желаний,
чуть заискришь и волшебством
сердца и воздух наполняешь
О, вожденная Любовь
ни с чем, ни с кем ты несравнима,
и жизни, жизни полнота
с тобой, с тобой лишь ощутима.

Вдовченко Лидия
Г. Ейск Краснодарский край «Открытие-2» – поэзия

«Я только родилась, а зимние стихи...»

Я только родилась, а зимние стихи
К окну слетали стаяй снежнокрылой

По мёрзлому стеклу костяшками строки
Стучали, чтобы я глаза открыла.

Я первые слова впитала с молоком
Под вьюги колыбельные рулады —

Мой обострённый слух был музыкой влеком
И шумом дребезжащей автострады.

Пока я различать пыталась их язык,
Пока росла и в помыслах смелела,
Рождённый вне земли языковой изыск
Обрёл вполне земное имя: Белла —

Чьи нежные ступни о каменную твердь
Изранились до незнакомой боли,

А певчая душа оплакивала смерть
Всех человеком вскормленных любовей;

Чей азиатский слог – то кроток, то суров —
Творил вселенский мир с улыбкой грустной.
В нём стынь родных степей, и хор семи ветров

В его велеречивости, и – русскость.

Она воспела тех, в кого был ум влюблён,
Чьё творчество всю жизнь боготворила,
Намёками – в стихах не трогая имён —
И «Вы» – поэтам века говорила.
Но как посмела я затронуть имя той,
Чей сборник в доме – стихослов трёхтомный —
На полку опершись, стоит над суетой
И смотрит в небо с горестью мадонны?

Я, жалкая – из тех, рифмующих любовь
С морковью и – не покидая штампов,

Дерзнула рядом встать с поэтом, как любой...
Не вылезая из домашних тапок.

Поглаживая шрифт любимых мной страниц
И вслушиваясь в их сердцебиенье,

Люблю пьянящий взмах их веерных ресниц,
Когда кладу я книги на колени.
Когда я узнаю по голосу стихи
Её – рождённой в месяце – Нисане,

Я радуюсь: живи уходу вопреки
Великий мастер плачущей гортани. *

24.05.2016 г.

«Над головой мечтательной моей»

А в детстве звёзды на мою кровать,
Как лепестки осенние, спадали —
Я так боялась диво прозевать,
Что засыпала за полночь едва ли...
Над головой мечтательной моей,

Над восхищеньем, в небо устремлённым,
Кружился вальсом листопад огней,
И кто-то жёг костёр за небосклоном.
Я тайну всех космических чудес
Постигнуть, неразумная, хотела,

А в космос, как в ближайший к дому лес,
Ходила по огни дорожкой белой.
И с каждым днём росли любовь и страсть
К ночным блужданьям, бабушку тревожа.

Ей невдомёк, что внучкина напасть
На детские болезни не похожа.

Я притворялась сонной для неё
И, затаясь под лёгким покрывалом,

Ждала, когда же бабушка шитьё
Закончит на платочке обветшалом,

Когда фонарь бессонницы моей
Зажжёт небесный путник-полуночник-

Один из тех – загадочных гостей,
Такой же фантазёр и мой помощник.

11.05.2016 г.

...

Жизнь, в общем, прожита, и близится конец,
Уплачены счета, подведены итоги.
У зимнего окна мой немощный отец
Сидит с утра, в пимах отогревая ноги.

Все дни, как стульев ряд – похожи на один,
Картина перед ним – засвеченное фото,
И рвётся мутный взгляд сквозь серый палантин
Вспотевшего стекла, чтоб разглядеть хоть что-то. Тревожась,
я войду и встану за спиной.

«Сегодня что? Мороз?» – вдруг спросит, словно знает,
Что рядом кто-то есть. Он говорит со мной,
Не слышит мой ответ, но всё равно кивает.
Присяду, обниму и головой прижмусь
К его худой груди: «Я рядом, слышишь, папа?»,
Смахнувши со щеки, свою запрячу грусть,
Укутаю ему колени тёплым драпом.
И в гулкой тишине услышав слабый звук —
Молитвы вкрался слог в квартирное пространство, —
Я слово подхватчу сплетеньем пальцев рук,
Открытостью души и веры постоянством.
Сольётся песнь двоих в возвышенный дуэт,
И чистая любовь откроет сердце Богу.
«Не бойся смерти, па!» – шепчу, а он в ответ,
Намаливает мне удачную дорогу!
Он «водит» в ходунках отчаянье и страх,

И каждый новый шаг – немыслимое бремя.
Висит, как гиря, смерть, за ноги держит прах,
И терпеливо ждёт опущенное время.

10.01.2012 г.

«Иду и чувствую волнение...»

Иду и чувствую волнение,
Спешащего к закату дня.
Деревни ветхие строенья
Угрюмо прячутся в меня.

Мне, урождённой горожанке,
Неловко в их дворы смотреть:
Там сени драные с изнанки,
А в окнах – приживалка-смерть.
Вдруг радость: умывальник древний
Стоит безносый, но живой —

Охранник ревностный деревни —
На пару с бочкой дождевой.
Ещё каких-нибудь полвека
Тому назад – был вхожим в дом,

Теперь, ненужный человеку,
Глокает пыль открытым ртом.
Какое дикое сиротство
Глядит в меня из всех щелей
Крестьянской жизни. Худородство
Присуще родине моей.

С её глухоголовых башен
Не слышен шепоток людской,

Не виден бывший хлебопашец,
Обросший данью городской.
Деревню, словно умывальник,
На задний выбросили двор.
Иду по улицам печальным,
Спиною чувствуя укор.

17.05.2016 г.

"Я так хочу дождей..."

**Приди, пророк Илья,
Чтоб досаждать дождями,
Чтоб раздражать авто
Разливами дней пять,**

Чтоб в плиточный грильяж
Вгрызаться челюстями
Потопа – и потом
Снотворное принять.

Я так люблю Ильи
Раскатистые песни,
Погоде подпевать:
«Печали утоли».
И рифмовать. Ручьи
Бегущие. Из бездны.
И гром короновать:
Царь-колокол земли.

Приди в один из дней-
Потоком красноречья.
Безмолвного, в другой,
На душных, выходных.
Я так хочу дождей,
Что, кажется, отречься
Смогу одной строкой.
От радостей иных.

19. 06. 2015 г.

Сахно Юлия

Ст. Брюховецкая, Краснодарской край «Открытие-2» Поэзия

Цветут деревья, звенят синицы...
И счастье – рядом, оно не снится.
В весеннем вальсе – сады и парки,
Играют краски – весны подарки.

С небес лазурных нам светит солнце!
Открой навстречу ему оконце.
Забудь печали и пой, как птица —
Ведь **счастье – рядом...** Оно не снится!

2016 г.

...
«Подары мэни мазылю,
Щобы сморщков нэ було!
Щоб була така красыва,
Щоб аж ахнуло Сэло
Щоб по вульщам ходыла —
Уси дывылысь мэни в слид
И щоб ныхто нэ догалався,

Скільки съодни мэни лит!»
Так бабулечка просила
Ей подарочек купить.
Где взяла старушка силы
До таких-то лет дожить?
Девяносто лет сегодня —
А душою – молода!
Работающей и весёлой
Прожила свои года!
И бабуле непонятно,
Как вам в сорок лет хандрить?
Скучно, нудно и уныло
Дни по жизни волочить?
В чём старушки этой тайна?
Отчего так озорна?
Может, это всё случайно
И такая лишь она?
Нет, друзья, ответ не скрою —
Много бабушек таких!
Поучиться силе жизни
Надо попросту у них!
Где-то больше потрудиться,
Ну, а если отдыхать —
Петь, плясать и веселится,
А не бока в диван вжимать!
Выйти в мир, а он – искрится!
До чего жизнь хороша!
И увидишь радость в лицах,
Запоёт твоя душа!
А коль заметишь ты морщины —
Можно кремом потереть,
И увидишь, как мужчины
Будет вслед тебе смотреть

2014 г.

...

Кругом белым-бело, морозный воздух,
Снег под ногами весело скрипит.
Иду по улице, дышать легко и просто,
Румянец яркий на щеках горит.
Да, нынче холодно, друзья мои, не спорю,
Мороз задиристо кусается за нос.
Но вижу я, как ворон для вороны
Орех нашёл и в своём клювике принёс.
Смешно нахохлились от стужи, оперенье
Нелепо во все стороны торчит.
И мог он съесть орех в одно мгновенье,
Ведь сам нашёл – никто не запретит.

Но вспомнил о голодной он подруге,
Решил её немного подкормить,
Чтоб пережить смогла мороз и вьюги.
Чтоб до весны смогла она дожить.
И на меня блестящим чёрным глазом
Он посмотрел, как будто бы спросил:
«Неужто ты, такой большой, ни разу
В морозы эти никого не подкормил»?
Конечно, весело зимой, снежок летает,
Искрит на солнышке, сверкает и блестит,
Но оглянись вокруг, вдруг кто-то замерзает,
Иль рядом кто-то может быть не сыт!
Да, хорошо удачливым быть, сильным,
Кто не боится холода, зимы!
Так помоги же слабому, всесильный.
Чтоб смог дожить он тоже до весны!

2011 г.

...

Была в гостях я. Пел там соловей.
Такие сладостные выводил он трели!
Я не слыхала песен тех милей,
Красивей, романтичней и нежнее.
Домой приехала и слышу ночью поздней
Квакушек громкий, дружный, стройный хор.
Несётся над землёй многоголосье
И мчится дальше, на речной простор.
Казалось бы – незвучно, некрасиво,
Неромантично ведь в конце концов,
Но отчего же сердцу очень мило
От этих энергичных голосов?
Всё потому, что я ведь просто дома!
Здесь дом родной, здесь мой любимый сад.
Всё здесь мне дорого до боли, всё знакомо,
И даже крики этих лягушат.
Звучит квакушек песнь, не умолкая,
Акомпанирует собачий громкий лай...
Я эти звуки на на что не променяю —
Ведь это мой родной, любимый край

2012 г.

Пожелание.

Осенние цветы, прекрасные и нежные,
Торжественно цветут! К ним тихо подойду,
Вдохну их аромат, рукой дотронусь бережно—
Секрет как будто счастья сейчас я в них найду!

Богаче стали краски, наполненные светом,
Ведь солнце стало мягче, оно уже не жжёт.
Приятна их краса, но всё ж грущу при этом —
Угаснут эти краски, и сад мой отцветет.

Придут дожди и слякоть, морозы и метели,
Осыплется листва, заснет мой милый сад.
Но буду я мечтать о солнце и капели,
И пышное цветенье я буду вспоминать.
Не вечна наша юность! Когда-то всё проходит,
И годы нашей жизни куда-то улетят!..
Из сердца радость юности пусть всё же не уходит,
Пусть будет в ваших душах всегда цветущий сад!

2011 г.

Чекменова Людмила
Г. Ейск Краснодарский край «Открытие-2» Поэзия.

«Террористке».

Девочка, беременная смертью...
Искажён последним криком рот. Как же детям жить на этом свете,
Если смерть им женщина несёт?
Кто сгубил любовь твою девичью?
Душу изнасиловал твою?
Страшную взрывчаткою напичкал, Грозное в уста вложил
«Убью!»?
Нерождённый твой ребёнок стонет: – Мамочка, меня ты пожалей!
В древнем божьем и людском законе
Есть два слова главных: «Не убей!»
Детские, невинные глазёнки...
Как же ты сумела их предать?
Пусть пока ты юная девчонка, Но тебя рожала в муках мать!
Мостик жизни детской слаб и тонок...
Ты ж несёшь невинным людям смерть. Плачет нерождённый твой
ребёнок: – Мамочка! Не дай мне умереть!
Женщина и жизнь. Два близких слова. Мы в себе Вселенную
несём. Страшное не повторится снова, Если мы любовь в себе
спасём!
Пусть смеются и рождаются дети, Материнством жизнь земли
продлится. Заклинаю всем святым на свете: Женщина! Не стань
детоубийцей!

...

Живу торопливо, в неясной тревоге, Мне время впустую
потратить нельзя: Уходят, простившись, по лунной дороге
Родные, чужие, враги и друзья. И новой потерей бередится
рана, А в горле комок, как застывший свинец, Ушла навсегда
неожиданно мама, А раньше – моложе меня стал – отец.
Никто не зовет меня ласково дочкой, Не хлопнет пониже спины
понарошку, И я не прижмусь к теплой маме комочком, И папа
на лоб не положит ладошку...
Проходят года. Но меня не забыли, От бед остеречь они просят
в сны, Проведать приходят, сказать, что любили, Что девочке
взрослой ничто не должны. С тоской провожаю ушедшие тени,
Обид, причиненных им, не отмолить. Стою перед прошлым теперь
на коленях: Его не исправить и не вернуть.

...

Делим жизнь мы на будни и праздники.
Вот вчера отгремел юбилей...
Но уходят мои одноклассники
Вдоль по лунной дороге своей.
Словно в школе со списками сверка:
Не успев от боев отдохнуть,
Бравый, смелый афганец Валерка
Пал в Бурденко, схватившись за грудь.
Ключ от утра заря повернула,
Море тихо роптало и редко.
И, прощаясь, тихонько вздохнула.
Моя в школе по парте соседка...
Поколение юных на старте,
В школу наши внучата спешат.
И не важно, кем стал, кем не стал ты,
Коль наступит последний парад.
Надо жить, мир добром наполняя,
Каждый день для любви, каждый миг.
От друзей этот долг принимаю
И надеюсь отдать за троих.

...

Убаюканный ласковым бризом,
Спит, свернувшись калачиком, порт,
Горизонт огоньками унизан
– Рейд как в море со свечками торг.
Под обрывом затихшее море
Мирно лижет остывший песок,

Юный месяц в щенячем задоре
Показал из-за тучки рожок.
Заневестились в парке аллеи,
Блеск жемчужин фонарных храня.
Над обрывом Азовским взлелеян
Это город, что создал меня.

...

"Мой город"

Гитара стонет – про Таганку.
Воспет поэтами Арбат...
Я – дочь Азовья. Я – Ейчанка.
Мой город лучше во сто крат!
Объятая распахнуло небо,
Целует море горизонт.
Кубанскую краюху хлеба
Руками мола держит порт,
Здесь шелест шелковых акаций
И легкий бриз поют дуэт,
Закат качают моря пальцы,
В лимане – плещется рассвет.
Здесь звезды гроздьями черешен
В полночном бархате блестят.
И все: кто праведен, кто грешен —
Под шепоток прибоя спят.
Здесь все друзья мои – Ейчане —
Ветрами зим – закалены.
Живут с открытыми сердцами,
В свой тихий город влюблены.
Приморский мой проспект не Невский,
Торговый – не Каретный ряд.
Но лечит душу воздух ейский —
Отчизны дух и аромат.

...

Халтурина Римма

Г. Анапа «Открытие-2» Поэзия.

«Дачная зарисовка».

Подарил сосед мелиссу,
Я пьяна от аромата!..
Но, не мастер компромисса,
Всё ворчу... Где стыд бы спрятать?!
Не мирюсь то с тем, то с этим.

У самой трава по пояс...
Боль и... творчество. Дом – «сети».
Одолее вот – и в «Колос».
Вечеру полью в «садочке».
Заночую. Домик летний.
Лунный свет целует ночью.
(До утра держу в секрете).
Пошепчусь с рассветом, с Богом.
И траву скошу литовкой
По росе – жива сноровка!
Притомлюсь. И к Небу – слогом...
Вот и мир в душе. С соседом!
А за миром – благо следом.

«Колос» – дачный поселок.

...

...

Если б можно было разлюбить
так, чтоб захотелось с ним расстаться...
Разлюбить и не упасть... Подняться!
Не расслабить нерв – живую нить...
Страстно вжавшись в милого плечо,
дать ему забыть других объятья...
Поменять прическу... взгляд и... платье...
Возжелать, как прежде горячо!
И проснуться... И не захотеть.
Случаю, судьбе ль сопротивляться?
И играть, вживаясь в роль Паяца.
Смех сквозь слезы? Нет! Свободы плеть!

...

...

Вы в Анапе – это круто:
город радостью расшит!
Вы в Анапе! И вот тут—то
взять чем больше поспеши
для здоровья: воздух, море,
терренкуры... Грязи есть!..
Обещают лето вскоре —
бабье – неплохая весть.

...И вплетают паутинки
в память нежностью своей
моря дивные картинки,
неба синь, узор полей
в южных красках... Разных многих

пляжей наших красоту,
и кавказских гор отрогов —
как там скумпии цветут!..

Вы в Анапе, в царстве цвета.
Флер античности в тиши.
И дельфинов пируэты...
И прибой... Восторг кружит!..

...

...

Добры молодцы—
сыновья мои
щечки колются
поцелуями.
Долгожданные,
гости милые.
Сердце жадное
обессилило.

Где найти слова?
Взгляд – с надеждою.
Взрыв любви сковал
силою нежною.
Что дарила мать?
Свет орлиных глаз?
А сумела ль дать
крылья – в добрый час?

Дождь мне крылья бил,
снег сбивал с пути,
но хватило сил
мне орлят растить.
Где ж, сыны—орлы,
та орлица—мать,
крылья, что могли
к звёздам вас послать?..

На плечах моих
слабы крылышки.
Подпитаю их
земной силушкой:
Я пойду в свой сад
и прильну к траве —
«Дай сыночкам лад,
сил молиться – мне...»

Корни крепкие!

Дом надежен ваш.
Одной лепки вы,
род любить – не блажь!
Не взнеситесь над...
Не падите под...
Воспитайте чад,
и продлите род.

Память временем
истончается.
Жизнь, коль помните,
не кончается.

Будьте здоровы и счастливы!

«Молитва»

Вновь к Небу обращаюсь за просветленьем.
Я рада слову доброму, как хлебу.
Ах, мудрости и силы духа мне бы,
чтоб всю свою любовь вложить в благотворенье!

Увы, грешим... О, Господи, прости!
Дай добрых дел, что было б нам прощеньем,
сердечность слов **МОЛИТВЫ** – отпущением
невольности грехов!.. Дай святость нам блюсти!

...

Субботина Вера

Г. Ейск Краснодарский край «Открытие-2» Поэзия

Люблю бродить я в городе родном,
Влекут меня забытые проулки,
Где благодатью веет от прогулки,
Безлюдье и безмолвие кругом.
Где сквозь заборы ветхие с плющом
Видны в просветах старые домишки.
От времени потрёпаны, как книжки.
Но радуют ухоженным двором
Осенней восторгаясь красотой
Когда кочует где-то непогода,
О чём-то шепчут под небесным сводом
Деревья с позолотою густой
Возможен между ними лёгкий спор
Я слышу тихий шепоток забавный.
Их кроны треплет ветер своенравный,

Подслушивая чудный разговор
Отрадно всё для сердца и для глаз
Наполнен день теплом и обаяньем,
И томный вид на грани увяданья
Моё воображение потряс!

....

Культуры нет, мужик наш груб —
Устал от тягот повседневных.
Бранит он власть в тихую гневно,
Бессилья одолел недуг.
Но отпускает тормоза,
С друзьями душу расслабляет.
Частенько в баре выпивает
И гасит гнев и злость в глазах...
А утром снова блекнет жизнь,
Знобит от перепитых граммов.
Супруга пилит на все гаммы.
Одно спасенье: «Повинись!»
Он, молча, закрывает рот,
С досадой вновь идёт работать.
В труде, забыв свои заботы,
Ждёт жизни новый поворот.

....

...

Вот и осень. Лист роскошный
Ветер треплет, рвёт безбожно.
Мне так больно и тревожно
От того, что жизнь во мгле.
Где найти душе спасенье?
Нравов диких проявленье
Вызывает потрясенье
И страданья на земле.
Злостью дышит век штормящий,
По наклонной вниз скользящей.
Но есть мир и восходящий
По ступеням к доброте.
Где к вершине обновленья
Через веру и прозренье
Дух получит исцеленье —
Сокровенный путь к мечте!

...

...

В закат уходят «зрелые» года.

В плен старости не хочется сдаваться.
Да и душа осталась молода,
Ещё способна петь и восторгаться!
Порой её из дома тянет вдаль,
В морской простор, где парус в небо рвётся,
Где волны серебрятся, будто сталь,
А солнце их ласкает и смеётся.
Взмывая без раздумий выше птиц.
В полёт она несётся с увлечением.
Свободой опьяняясь – без границ.
Вглубь облаков ныряет с наслаждением.
Прорвавшись сквозь седой каракуль туч,
Назад стремится юная, шальная.
И с лёгкостью минуя склоны круч,
Как в юности смеётся, озорная!
Не распознать незримый мир души,
Её желания – всегда загадка.
Мы радоваться жизни не спешим,
А в волосах уже седая прядка...

...

...

И боль, и радость я дарю стихам,
В них выстраданы строки изначально.
Они ко мне приходят по ночам,
Когда душе отрадно иль печально.
Давая волю им, лечу из тьмы,
Как птица, неосознанным порывом
К листам, которые ещё немые,
Но под пером заговорят с надрывом...
Уже рассвет стал красками играть,
Опльвиная свеча едва мерцает.
Я закрываю исповедь – тетрадь,
И грусть в душе янтарным воском тает.
Стихи мои – товарищи, друзья
Одна у нас нелёгкая стезя!

...

Рядинский Николай
г. Ейск Краснодарский край «Открытие-2» ПОЭЗИЯ

Снег сугробами искрится,
Звёзды водят хоровод...
Только мне опять не спится:
Мысли все пошли в разброд.

Бьёт снежинками в окошко
Разгулявшийся буран,
Ночь огромной чёрной кошкой
Улеглась на мой диван.
Пусть поспит. Я выйду в поле,
Закричу: «Мечта, вернись»...
Ноет вся душа от боли:
Годы – тройкой пронеслись.
Эх, мечты мои ночные,
Будто стук копыт в крови.
И как в годы молодые,
Снова хочется любви.
Да такой! Что б и не снилась
Никому в земном краю,
Чтоб всё ладилось и сбылось.
Побывать хоть миг в раю.
Стало тихо. Сон, ладошкой,
Постучался в мою дверь.
Эхо-отзвук счастья в прошлом.
Унесёт опять метель...

...

...

Мы весною повстречались,
Возле речки вечерком.
Листья ивушки шептались
Тихо с тонким камышом.
Мы на лодочке сидели,
Говорили о любви...
А над нами вдруг запели,
Свои трели соловьи.
Мы подслушали случайный
Разговор их в тишине.
Ни весёлый, ни печальный.
Может просто о весне.
Мы слова их сосчитали,
Что поплыли вдоль реки:
Птахи нам наобещали
Море счастья и любви.
Мы расстались на пригорке,
Где сирени буйный цвет.
Петухи, на ранней зорьке,
Раскричались про рассвет.
Мы придём сюда когда-то.
Через много долгих дней,
Чтоб отметить свою дату:
Золотой наш юбилей!

...

...

В тени тополей, в цветах утопая,
В ковыльной степи, у тихой реки
Веками стоит станица родная,
Где светят из детства мне маяки.
Где, отчего дома, ставни резные.
И пахнет пирог из русской печи.
Родители там всегда молодые —
Их голос живой я слышу в ночи...
Там люди в заботах о хлебе живут.
И помнят, что «хлеб всему голова!»
Девчата казацкую песню поют:
«О верной любви в той песне слова».
Оттуда взлетел я вдаль за мечтою:
Под парусом алым плыть по морям.
Спешил рассказать. И верил. Успею,
О чувствах своих пшеничным полям.
Церквей купола и святой перезвон,
Доверчивый взгляд девчонки одной,
В которую был я впервые влюблён.
Всё память хранит порошей седой.
Далёкое детство и школьный звонок,
И бал выпускной, где вальс танцевал,
Осенний привет: её жёлтый листок.
Я в сердце строкой стихов записал.
Кружился по свету. Мир познавая.
Жар-птицу хотел в руках удержать.
И знал я в пути, родных вспоминая,
Что будет меня станица встречать.
Поведаю всё ей о жизни своей,
Что Родины малой мне не забыть:
Люблю я раздолье кубанских полей.
Вот именно с этим следует жить!
Туда я вернусь знакомой тропею,
Где тополь грустил весной обо мне.
Там в небо умчусь и стану звездой
Влюблённым светить в ночной тишине...

...

...

Тебя не было рядом со мной.
На границе в том первом бою,
Когда в небе волна за волной
Шли стервятники в плотном строю.
Надо выстоять в битве любой,

Пронести через пламя войны.
Нашу первую в жизни любовь.
И сиреневый запах весны.
Мой привет из далёких краёв,
Донесут до тебя облака.
Надо верить, что наша любовь,
Как Победа в бою велика.
Будет встреча у нас впереди,
Пусть суровые ветры шумят-
Не упасть, дотянуться, дойти
Мне поможет твой ласковый взгляд.

...

...

Гром грохочет, как из пушек-
Будет радость у лягушек:
Дождик льёт, как из ведра,
Разбежалась детвора...
Только, внук в огромной луже
Ловит рыбу нам на ужин.
Дождик капать перестал,
Внук свой парусник достал.
И сказал, что уплывает,
В те края, где лёд не тает:
Будет он спасать людей,
Среди северных морей.
Солнце брызнуло сильнее,
Стали отмели видней,
Стало «море» по колено,
Но ведёт кораблик смело,
Как заправский капитан,
Наш любимый внук Иван.
Вдоль по улице Морской
Корабли плывут на бой:
Внук надеется, что в луже
Бой морской кому-то нужен.
И Победа всем нужна,
Чтобы сгинула война!
Над лиманом звёзды светят,
Ночь пришла, уснули дети,
Но зелёные лягушки.
Всем поют свои «частушки»
Про детишек и зверей.
И про тысячи «морей».

Долголенко Елена
г. Ейск. Краснодарского края «Открытие-2» поэзия

Гроздь рябины
На голых ветках.
Крик журавлиный
В вышине...
Осень-мечтатель.
Осень-кокетка.
Осень-философ
Приходит ко мне.

Звездное небо
Холодом веет,
Лист, словно льдинка,
Бьёт по стеклу.
Пахнет морозом...
В панцирь оденет
Тихую речку к утру.

Печально? Немного...
Тоскливо? Нисколько!
Сердцу тревожно —
Что там, впереди?
Эх, если б долгая
С песней дорога...
Только не будет,
Не надо, не жди...

В гавани снежной
Тихая пристань,
Сказочный домик
На берегу...
Где ты, безбрежная,
Жаркая, быстрая
Летняя удаль?
Забыть не могу...

Стужа пугает?
Быть может... немного...
Но и зима
До того хороша,
Что в неизбежность
По звонкой дороге
Рвется
Шальная душа!

...

«Поэт»

Смотри, поэт, какие времена
настали для Отечества святого:
укоренились злобы семена,
меняет смысл жизнь, и меркнет слово.
Над честью все глумится мрачный люд.
Ему веселье пьяное милее.
И праведность, как вороны клюют,
и мысли стали алчнее и злее.
Россию разменяли на рубли,
и тысячами гибнут деревушки.
Рукой дрожащей кровные свои
считают деревенские старушки.
Награды, что получены в войну,
воруют у героев их потомки.
Как нам спасти, как сохранить страну?
Стоящую. У пропасти на кромке.
Бери, поэт, бумагу и перо,
в такие времена нужны мы снова.
Дерзай, поэт! твори, чертям назло,
неси своё пронзительное слово!

...

...

Луна ещё бела над морем,
И лёгкий бриз
Подарит тихим разговором
Морской каприз.
С щенячьей лаской лижет ноги
Морской прибой...
Вернулась... Я в конце дороги,
Я вновь с тобой.
Край неба нежно-голубого —
Закатный свет.
Вернулась я к тебе с любовью —
Другого нет.
Ты мой, единственный навеки,
Седой Азов.
С тобой, как с близким человеком,
С моих азов
Связала жизнь. Иной не мыслю
И не прошу.
Тебя, подарок этой жизни,
В душе ношу.

Вот достую до звёзд мерцанья —
Прилива жду...
А утром, со звездой ранней,
В рассвет уйду.

Как в старой сказке
Стрела дороги
Вела домой...
С щенячьей лаской
Мне лижет ноги
Морской прибой.

...
Как случилось,
Что вместе
Мы оказались?
Нам печали ушедшие
Руки связали
И заполнили
Души пустые
Надеждой.
И словами пустыми
Мы говорили...
Все ошибки свои
Мы опять
Повторили.
Бесконечной,
Казалось нам,
Будет дорога.
Но, очнувшись,
Увидели —
Вновь у порога...
Дальше – что?
Мы друг другу
Безмолвно
Сказали.
Как случилось,
Что вместе
Мы
Оказались?

Зинаида Палиева
Г. Анапа Краснодарского края «Открытие-2» Поэзия

О, как причудлива ты, – связь

Души и тела!
Она – меня толкало в грязь,
Она – летела!
Витала где-то в облаках,
Звала и пела,
И все не старилась никак —
Любви хотела.
Под тяжестью земных забот
Сожмется тело.
Душа же – все наоборот.
Ей нет предела!
Я расцвела, как маков цвет,
Ей потакая,
Но на вопрос ответа нет:
«Она – какая?»
Я знаю, мой черед придет, —
Все в мире тленно.
Но жизнь, когда душа поет, —
Благословенна!

2012 г.

...

Безрассудство стареющей женщины
Потерпи. Это скоро пройдет.
С ним совсем ненадолго я венчана.
Я вписалась в крутой поворот.
Опостылело долготерпение,
Наступил нетерпенья черед!
Я приблизилась к точке кипения,
Только надо бы – наоборот.
Не страшись поцелуев неистовых,
Отдохни у меня на груди.
Мы еще не доплыли до пристани,
Но маячит она впереди.
Безрассудство сменю на терпение,
И грехи, и обиды стерплю,
И последнее стихотворение
Я тебе по E-mail-у pošлю!

2013 г.

...

Истина эта звучит так просто:
Каждый из нас – в океане Остров.
Вслед за волною бежит волна,
Всё острова, острова, острова...
Им не догнать, не понять друг друга
И не подать на прощанье руку.

Сколько на свете таких миров —
Необитаемых островов!
От одиночества нет спасенья.
Будем надеяться на везенье.
По побережью идет молва:
Соединяются **острова!**

2013 г.

...
Два пролетевших года —
Это семьсот ночей.
Слякоть и непогода.
Рядом ты, да ничей.
Мучаюсь с испуганием:
Люб ты или не люб?
Это ль не преступленье —
В доме ходячий труп!?
К небу взываю снова,
Только душа пуста.
Я – словно плоть Христова.
Но сброшена. С креста...

2016 г.

...
Ты снова вне зоны.
Холмы, как бизоны
Неспешно пасутся вдали.
И море ночное
Без сна и покоя
Полощет свои корабли.
А там, за газоном,
Кончается зона,
И доступ возможен в сети.
Но вместо трезвона
Включаю Кобзона!
Тебе не отвечу. Прости.

2016 г.

Федина Виктория
г. Сургут, Тюменская область, «Открытие» Поэзия

Листья в порывах шифоновых ветра.
Радугой стелется гладь пруда.
Свет в кружевах акварелей спектра.
Зорит. Пейзажем художник-вода.

Корни деревьев в листву нарядились,
Ветви зеркалятся в каплях дождя.
Бусины алой рябины укрылись
В крепких объятиях нежного мха.
Луч озаряет до дна родниковость.
Зябнет привет от бывшего тепла.
Август уходит в не до согретость.
Осени стелит сквозные крыла.

27.08.2013 г.

...

Сентябрём рябиновым росно растревожила,
Проливным дождём крапивно огорошила!
Моросильной грустью протяжно-прельной,
Заморочила чернично, акварельно.
Распростёрла русла рек в дозор непрошено!
Просочилась проливнью растреноженно.
Растеклась, располасталась растопно-ранено,
Редкой радостью – дугою радужной.
Громом брякнула раскат расхрыстисто!
Растропишила грибницы выстрельно,
Пробрусничала корзинки царственно,
Рассекретила схроны сентябрьские.

...

...

Осень расстелила самобранку,
Пригласила в гости спозаранку.
Я решила приглашение принять,
С упоением отправилась гулять.
Осень встретила с любовью, листопадно,
Птичьей трелью опьянила слух усладно —
Звонким пением, хрустально-колокольным,
Щебетала щедро и привольно.
В зеркалах прудов запечатлела
Кедров-канделябров капители,
В шелковых ветвистых параллелях
Паучков качала на качелях.
Под листвой у арки золотистой,
В солнечно-лампадном серпантине.
Словно в комнате янтарной. В Царском-Сельском.
Побывала я у Свет – Екатерины.
В «тронном зале» мажордомом Ветер.
В облачно-крахмальном палантине.
Угощал брусникой и черникой
Из золотой хрустящей пелерины.
Всё, на что только способна Осень.

Всё, что бережно и трепетно хранила,
Все сокровища души своей открыла,
Лишь бы я её, как Родину, любила.

...

...

Лето уходит в сонливость из яшмы.
Стелет сквозные тропинки янтарь.
Солнце, опал аметистовой сказки,
Греет в росистой капели хрусталь.
Ветви качают в молочном дурмане
Листья берёз в лазуритовом сне.
Гроздья рябин остывают в тумане,
После купанья в багряной заре.
Испить бы до дна чароитовость лета.
Вобрать пред прощальный привет тепла,
Чтоб россыпь его драгоценных секретов
Студёной зимой согревала сердца.

...

...

Аппликации скользят по тротуарам
Вдоль заиндевелого настила.
Осень листопады угощает
Белой пудрой снега-ванилина.

В морозящий бархат Октября
Окунулись ветви золотые,
Ветер им в подарок преподнёс
Платьица стеклярусно-сквозные.

В трепетно-лампадной ностальгии
Слёзы из янтарных портсигаров
Доверяют все свои тревоги
Хрусталям опаловых туманов.

...

Зацепин Александр

Г. Анапа Краснодарский край «Открытие-2» поэзия

**В Померании ночью весенней
Ждали танки команды: «Вперёд!»
Кто-то рядом молил о спасенье,
Кто-то матом гнал время в полёт.
Сдвинув кожаный шлем на затылок,**

Лбом опёрся отец о броню
И погладил рукою подкрылок:
«Я надеюсь на верность твою».
Сталь холодная стала теплее —
Под рукой словно выгнулся танк:
«Утром будет, хозяин, светлее,
А сейчас мы сыграем «ва-банк».
Рыкнул танк, словно злая собака.
Траки «цапнули» землю всерьёз.
И пошёл мой батяня в атаку
Чёрной ночью, среди белых берёз.
Светом фар ослепило фашистов
И от грохота кинуло в дрожь...
Вспомнил батя – отца-тракториста,
Как косил с ним озимую рожь.
И за это зелёное поле,
Без воронок и без блиндажей.
Защищённое доброю волей —
Мяли стены немецких траншей.
И торили, торили дорогу,
Через трупы врагов и бетон,
Без креста, но молилися Богу,
Чтоб победу скорее дал Он.

...

Казак лежал лицом уткнувшись
среди маков красных на траве.
Упал, как будто бы споткнувшись,
на той несправедливой войне.
Рукой ещё тянул за саблю
По направлению врага.
И кровь терял за каплей каплю
Как в дымке видел берега.
Текла Кубань перед глазами.
Вот хата батьки на яру.
А рядом церковь с образами.
Невеста в белом – на ветру.
Над нею тучи грозовые.
И звёзд не видно в небесах.
Она молила: «Все святые
Не оскудейте в чудесах!
Спасите милых от шрапнели,
От голода и холодов.
И пусть в чужой стране метели
Не заморозят казаков».
Лихая сотня шла галопом.
Земля дрожала от копыт,
А смерть ловила души скопом

И каждый третий был убит.
Нет, не вернётся к ней любимый.
В чужой стране среди цветов,
Путь отыскал он в мир незримый,
Где нет страстей и нет оков.
Всё та война переделала —
Мир как разрушенный вокзал.
Что стало с родиной любимой
Он, слава Богу, не узнал!

...

тому, кто не вернётся.

На белом фоне крупных хризантем
Гвоздики алые, как капли крови.
И в этот день других не будет тем,
Лишь о тебе, о дружбе и о боли.
Поведай, друг, каков поэта крест?
Обрёл ли ты сейчас покой неожиданный,
Каким поэтам хватит рядом мест,
Когда придёт конец им, Богом данный?
Ты расскажи, что дружба там в чести,
Что ангелы готовят воскресенье.
Какую нужно славу обрести,
Чтоб в небесах увидеть свет прощенья?!
Ты не вернёшься, в этом вся беда.
Прости за то, что много не сказали.
Но слов твоих хрустальная вода,
Звенит как победителя медали!

...

Жёлтые листья —
Ветер осенний,
А на душе только тихая грусть.
Мокрая гостья
Вечером синим
Память на сердце тронула – пусть.
И закружили воспоминания,
Молодость лентой прошла как в кино.
Все наши встречи и расставания
Мы пережили с тобою давно.
Поздняя осень...
Вечером синим
Ветер затронул струны души.
Нежная просинь,
Утренний иней.
Ты на рассвете ко мне поспеши.
Стали отрадой воспоминания,
Девочкой юной пришла ты во сне,

Снова шепчу я любви заклинания —
Ты наяву улыбаешься мне.

...

Скоро день пойдёт на убыль,
Как и жизнь моя.
Что в ней было, а что и не было
Позабуду я.
Позабуду все несчастья.
Память подвела!
И пройдут дожди-ненастья
На закате дня.
Вспомню радугу двойную
Над своей рекой.
И тебя мою родную —
Душу успокой.
Ты скажи мне рано утром
О своей любви,
На глазах моих слезинки
Ласково сотри.
И вспорхнёт от нас с окошка
Сказочный удод.
Грусть останется немножко,
Но потом уйдёт...

Кадочникова Ирина
Удмуртская Республика, г. Ижевск «Открытие-2» Поэзия

В такой высокой солнечной траве,
Среди берез в негаснущей листве
Лежать – и с каждым вдохом неприметным
Свободным становиться и бессмертным.
Здесь эльфы жили много лет назад,
Возделывали свой тенистый сад.
Остались странные отверстия там и тут:
Возможно, духи в них теперь живут
И по ночам выходят, и весь лес
До самых поднимается небес.
Как хорошо не ведать ничего,
Что нарушает жизни торжество.
Гудят шмели, и сквозь подобье сна
Я слышу, как проходят времена
И как они сливаются в одно,
Друг, в друге повторяясь все равно.
В каких мы отразимся зеркалах...
Никто не знает. Потому – что всяк,

Когда в себя глядится, лишь сомнение
«Глухое» видит. И теряет зрение.
И если я глаза на миг закрою,
Увижу вряд ли что-нибудь другое.
Но все-таки. На день, на час, на миг ли...
Спасибо, Господи, что мы вот здесь возникли.
В году двухтысячном. Две тысячи шестом,
Две тысячи тринадцатом... каком?
Неважно. Ведь остались на века
В зеленой памяти речного тростника.

2016 г.

Зимние метельные тревоги.
Синеокий ангел на пороге.
Жизнь – маршрутка, скорая, каталка.
Господи, и горестно, и жалко,
Что вот так – не испытав любви —
Возвратиться в тишину земли,
Прахом обернуться и синичкой,
Росчерком неуловимой спички,
По небесной августовской тверди,
Слишком много знающей о смерти.
Но, ведь мне, Тобой, зачем-то дан.
Этот мир – соленый океан,
Млечный путь – от сентября до мая.
(Это все я тоже принимаю).
Это все – обветренная площадь,
Город – узнаваемый на ощупь.
Северное кладбище – «Карлутка».
Остановка у кафе «Минутка».
Запах чебуреков и спиртного.
«Металлург». Овраг – на Родниковой.
Пушкинской – вечерние огни.
Ангел, я прошу, повремени.

2016 г.

...

Вот и делай все не так, как хотят
От тебя другие – живи один,
Понимай Бога на собственный лад,
Будь пронзительней песни родных осин,

Выходи навстречу семи ветрам,
Разговаривай с солнцем о смысле небес
И не думай даже, что где-то там
Может быть намного лучше, чем здесь.

Не горюй о ране, не плачь о дожде,
Не печалься о жизни, глядя в окно.
Знай, что каждый день – твой последний день
И что все дороги тебя все равно
Приведут к самому себе, ибо сам
Ты и есть свой странноприимный дом —
Рукотворный дворец, расхристанный храм,
Вертоград, перевернутый вверх дном.

2016 г.

...

Все куда-то едут – хотя бы туда, где больше
Фонарей, людей, да просто архитектуры:
Кто-то едет в Питер, а кто и подальше. В Польшу.
На работу. На ПМЖ, в двухнедельные туры.
Весь Ижевск уезжает в Москву. А Москва – в Дубай,
На Гоа, на Бали (хочется ближе к югу).
Самолеты, хребты высокие огибают.
У бермудского треугольника жмутся друг к другу.
Скоро здесь людей останется очень мало...
Ну, один человек на один километр квадратный.
Знаешь, родина-мать, ты лучше бы нас не рожала.
Вряд ли кто-то вообще захочет вернуться обратно.
Пусть на севере слишком сумрачная погода,
Но на поезд в Хельсинки проданы все билеты.
Это просто глобализация или мода.
Все куда-то едут. А я никуда не еду.
Я пишу на деревню дедушке длинные письма.
И осенние звезды падают мне за ворот.
У меня в голове – вечнозеленые мысли.
Надо мной проплывает никем не видимый город.

2016 г

Я хотела бы жить в глубине холодной реки.
И смотреть со дна, как черные рыбаки
Золотое счастье ловят в отцовские сети.
Неуемные, грязные, радостные, как дети.
Надо мной ходуном ходила бы синь-вода.
Приносила бы сны, которые никогда.
Не приходят к тем, кто остался там, наверху, —
Разве что младенцу, ангелу, пастуху.

И на створке раковины размером с большую блесну
Я писала б о том, как народ мой рубил сосну,
Чтобы плыть по реке, и древние песни его
Божий дух перевел на бессмертный язык волн.

2015 г.

Ковалёв Александр
г. Геленджик Краснодарский край «Открытие-2» поэзия

Гордась, смотрю на купола,
Взрастающие над Землёю.
О! Как же долго ты спала,
Свобода, стянута петлёю.
И, разорвав оковы лет,
Кресты святые дух встречали,
В мир, излучая добрый свет,
Воскресли Храмы из печали.
Над всей Россию моей
Звон колокольный – православный
Звучит, вселяется в людей,
Могучий, добрый, тихий, плавный...
И возрождается народ,
Здесь Он, здесь нравственны законы.
И крепнут духом каждый год
Его величества – Иконы.
Второй десяток поколений,
Вращая на Земной оси,
Ведёт Господь тропой прозрений
Храня величие Руси...

2013 г.

...

Мы слышим стук своих сердец-
Когда к местам приходим старым,
Где жили Мама и Отец,
Где пили чай из самовара...
И пусть согреет грусть моя
Слегка забытые края...
Я помню этот светлый дом-
Мой самый первый дом на свете —
За речкой в цвете луговом,
Где мир любви дарили детям,
И всем расскажет, не тая,
Об этом Родина моя!
Здесь под родительским крылом
К земле родной мы прирастали,
Я бегал в поле за селом,
И пятки босые сверкали.
Об этом вспомнит, не тая,

Дорога пыльная моя.
Здесь за дворами. Невысок,
Но гордо зреет в хлебном поле.
В любви проросший колосок,
Согретый, как и я, на воле.
Поёт, об этом, не тая,
Кубань раздольная моя!
Теплом согретые края
Зовут грустинкой золотою,
И эту Землю ты и я
Гордись, зовём – Родной Землёю!
И говорим, мы, не тая,
Всё это – Родина моя!!!

2011 г.

В станичной хате у реки
Мы с ним встречались каждым летом.
Он мне на «лапке» башмаки
Чинил и песни пел при этом!

Потом учил вязать крючки,
А утром рано на рассвете,
Поправив удочки, сачки,
Мы с ним катили по планете!

Слегка скрипит велосипед,
Молчаньем утро затаилось.
Июнь в густой туман одет,
И вдалеке станица скрылась.
Готовим снасти в тишине...
А я опять к нему с вопросом:
«Дядь, расскажи мне о войне!»
А он, закурит папиросу...

Рукой погладит по плечу,
Забросит удочку подальше
И скажет: – лучше помолчу...
Не обижайся, милый мальчик...
И, отвернувшись к камышу,
Смахнёт слезинку осторожно...
Как рассказать всё малышу,
Что пережить едва ль возможно...

Фашизм, поднявшийся из ада,
Решил раскрыть своё лицо-
Детей и женщин Ленинграда
Зажал в голодное кольцо.
Видать – должно было случиться,

Что бить фашистов суждено
Там – Константину из станицы.
И вот, бесстрашное звено-

Ошеломляет вражьи стаи
И сеет страх среди их рядов,
В боях неравных побеждают
Среди них, мой дядя, Ковалёв.
Казацкий дух под Ленинградом
Он смело нёс под небеса.
И на груди его награды,
Как будто взлёта полоса

Я вспоминаю этот голос...
Улыбки доброй чистоту,
Как золотистый хлебный колос
Всегда он смотрит в высоту!

*Посвящается Герою Советского Союза, Ковалёву Константину Федотовичу,
лётчику – истребителю. Громившему фашистов в небе Ленинграда.
Получившему в дар, самолёт. От знаменитого предсказателя Вольфа Мессинга.*

...

...
Только солнце взойдёт над полями родимого края
И тропинка в лучах заискрится рассветом маня,
От волнения чувств, на мгновенье душа замирает,
Крылья Родины смело возносят к полёту меня.
Поднимусь над землёй и, как ветер, в свободном полёте
Обниму всю Кубань, рассыпая любовь с высоты.
Я спрошу у станиц: «Как родные сегодня живёте?»
И с добром поклонюсь куполам, где сверкают кресты.
Мне улыбку вослед посылают просторы Кубани,
И цветением полей подпеваает мне песню земля,
В наших чутких сердцах разгорится заветное пламя,
Чтобы жить хорошо нужно крепко стоять у руля!
И я вижу, вокруг, оживают и реки и сёла,
И что кровь казака забурлила в родной стороне,
И что ожила вновь доброй веры и мужества школа,
Снова дарит Кубань сыновей настоящих Стране!

...

..
**Великий праздник – памяти времён,
Не гаснувший у смены поколений.
Жив подвигом прославленных Знамён,
К их вечной памяти склоняем мы колени.**

ПРИПЕВ:

Победа! Победа!

Будем помнить мы подвиги Дедов
И запомним на все времена,
Как блещут на груди ордена!
Мы дети Победы,
Мы дыханьем свободы согреты,
Мы встречаем под солнцем Весну,
Вам поклон, победившим войну!
Торжественно мы держим на руках
Цветущее потомство – Ваших внуков,
И память благодарную в веках
Несут сердца, объединив оркестра звуки.

ПРИПЕВ:

Победа! Победа!

Будем помнить мы подвиги Дедов,
Эту память на все времена
Детской радостью дарит весна!
Мы дети Победы,
Мы дыханьем свободы согреты,
С нами рядом и вечно в строю
Кто прославил Отчизну свою!
Слезой сбегает память по щеке,
Немного их осталось – Ветеранов,
Цветочек в детской маленькой руке
Великой памятью залечивает раны.

ПРИПЕВ:

Победа! Победа!

Будем помнить мы подвиги Дедов,
Эту память на все времена
Детской радостью дарит весна!
Победа! Победа!
Это светлая память о Дедах
С нами рядом во все времена,
Потому что бессмертна она

2015 г.

...

Живут на земле города,
Много их и огромных и малых,
Но один не забыть никогда,
Где в объятиях волны и скалы...
Здесь в волшебном-цветущем рассвете,
Из-за гор нежно солнце встаёт,
Этот город один на планете,
Где душа моя страстно поёт!

Это город – курорт Геленджик.

Не велик, но безумно красивый!
Ветер странствий, ты всем подскажи,
Как попасть в это дивное диво.
Где улыбкою великодарной.
Отражая уют городской,
Ты встречаешь народ благодарный,
На приветливый берег морской!

Ты живи, расцветай, Геленджик!
В добром мире Вселенной великой,
Пусть судьба и дорог виражи,
Сохранят твоё яркое лико.
Где сверкает волна золотая,
В небе чайка над нею кружит,
И дельфины свободно играют,
Это мой дорогой Геленджик!

Закалённый – ветрами стихии.
Нам с тобой посчастливилось жить.
Яркий жемчуг под небом России,
Ты живи, расцветай, Геленджик!

...

Полуян Екатерина **г. Севастополь Крым «Открытие» Поэзия**

Твои шаги ко мне, неспешные,
горячим пульсом сердце слышит.
Зимой какую-то нездешнюю
узор разлуки снегом вышит.

Слова в пучине лет растаяли.
Покрылись чувства наши инеем.
– Зачем друг друга мы оставили! —
кричало птицей небо зимнее.

Под серебром берез венчание
звонит в лесу заиндевелом.
Деревья в царственном молчании
застыли белые на белом.

Пленили небо хлопья нежные.
Танцует снежный вальс мгновение.
Идет зима тропой прибрежную
любовь избавить от забвения.

2013 г.

...

Приходил молодой человек
из какого-то древнего рода.
Искушал энергетикой век,
языком високосного года.
На столе неприметный **цветок**
был без жизненного аромата.
На глазах пробудил росток
сочной зелени цвета салата.
Мне язык его был незнаком.
Он едва понимал мои фразы.
Но что-то случилось с цветком —
он расцвел. И заполнил, вазу,
стол и комнату ароматом
новой жизни, любви и свободы.
Мое сердце пленилось закатом,
доверяясь стихии природы.

2014 г.

...

Окончен день, ночь погасила свет.
На остановке в парке ни души.
Мелькнула тень, собака ищет след
отчаянно, в ночной тиши.
Шумит тревожно мрачный лес.
Умолкли звуки шума дроги.
Большой, горбатый черный **пес**
знакомый запах ищет у дороги.
Он мечется. Скулит который день.
Надеется, что друг откроет двери
в тот мир, где пляшет светотень...
Нет ничего страшней потери.

2015 г.

...

Если ты будешь правдивым,
тебя полюбят Боги,
если неправдивым – люди.
Аристотель.
Мой сын, мой мальчик!
Бог подарил тебе рожденье.
Жизнь есть короткое мгновенье.
И хрупкая, и круглая, как мячик.
Ты в мир пришел в эпоху перемен,
где маются, и тают на весах —
таланта кропотливый трудодень,

и блажь материальных благ.
Будь смелым, сын. И не ленись.
Вот три пути, ведущие из детства
во взрослую сознательную жизнь:
путь знаний, путь веры, и действий.
Живи. Расти. Иди на зов мечты.
С тобою ангел на Планете.
Какой бы путь ни выбрал ты,
на том пути тебя он встретит.

2012 г.

...

Как вам не стыдно
врать, толстосумы.
Средства отчизны,
доверие Думы
брать безоглядно,
тратить бездумно.
Алчность ехидны
души вам гадит,
взрослые дяди.
Что вы за люди.
Где ваша совесть?
Сытость на блюде.
В помыслах подлость.
Роскошь в нарядах.
Чванство во взглядах.
Фальшь отношений.
Преступность решений.
Что вы творите
пальцами в кольцах
с душами в тельцах?
Остановитесь!
Вас видит Солнце.
Слышит вас небо.
Все мы под Богом.
Кто-то без крова.
Кто-то без хлеба.
Молятся словом,
истым терпеньем
до исступленья.
Ради спасенья
заблудшей души.

2016г.

Горбачева Марина **г. Анапа «Открытие-2» Поэзия**

В газете появилось объявление:
«Спешите к нам скорее на лечение!
Открылся медицинский кабинет,
Специалиста лучше – в мире нет!

Он все болезни может исцелить,
Вам лишь пять тысяч нужно заплатить!
А коль лечение Вам не помогает,
Врач тут же десять тысяч возвращает».

Один мужик сказал своей жене:
– А почему б не заработать мне?
Пойду по объявлению к врачу,
И нынче ж, десять тысяч получу! —
Пришел к врачу, и жаловаться стал:
– Я ощущение вкуса потерял!
Такая вот стряслась со мной беда,
На вкус – вся одинакова еда.
– Ну, что ж! Помочь Вам буду очень рад!
Вы выпейте пока что, лимонад! —
Тут, медсестра стакан ему несет,
Мужик глотает жидкость и плюет:
– Бензин в стакане! Гадость-то, какая!
– Вернулся вкус? С чем Вас и поздравляю!
Я смог Вас очень быстро излечить,
Должны Вы мне пять тысяч заплатить! —
Тот заплатил, и через день приходит,
Теперь уже другую песнь заводит:
– Вся память стерлась с мозга моего!
И я теперь не помню ничего!
Не знаю доктор, как мне дальше жить?
– Что ж! Будем лимонадом Вас поить! —
Мужик сказал: – Ну, доктор, Вы даете!
Опять сейчас бензин в стакан нальете?
– Нет! Я налью шампанского сейчас!
И выпью его с радостью за Вас!
Ведь снова мне удача улыбнулась!
И Ваша память полностью вернулась!
Вы вспомнили бензин! Процесс пошел!
Пять тысяч положите мне на стол.
И вот, неделя с той поры проходит,
Мужчина этот, с тросточкой приходит:
– Я, доктор, после Вашего лечения,
Терять свое внезапно начал зренье!

И думаю – бензин тому виной!
– Что ж, может быть. На этот раз, больной,
Не знаю даже, как Вас и лечить!
Обязан я, Вам деньги возвратить!
Смотрите – десять тысяч на столе,
И Вы забрать их можете себе!
– Шутник Вы, доктор! Как вас понимать?
Я вижу, здесь лежит, всего лишь – пять!
– И снова помогло мое лечение!
Опять вернулось полностью к Вам зрение!
И Вы без трости можете ходить!
...Пять тысяч, потрудитесь заплатить!

2016 г.

...

Иван-царевич на охоте,
Стрелу из виду упустил,
Искал в лесу, и на болоте,
Но не нашел, и приуныл.
Вдруг, видит он – сидит лягушка,
Пропажу в лапах тербя.
Он говорит ей: «Эй, квакушка,
Отдай стрелу, прошу тебя!»
Она в ответ ему: «Послушай!
Я не лягушка! Дева я!
Коль хочешь ты любви, Ванюша,
На землю резко кинь меня!»
Он так и сделал. Что за диво —
Девушка перед ним стоит,
Стройна, румяна и красива.
Ивану дева говорит:
«Или ко мне, Иван, любимый!»
Иван развлекся был не прочь,
И он провел с девицей милой
Незабываемую ночь.
А утром, говорит девица:
«Веди, Ванюша, под венец!»
«Не собираюсь я жениться!
Все! Отношениям – конец!»
Тут, как давай девица охать,
И слезы лить: «Да, как же так?
Ты поступаешь очень плохо!
Ты не царевич! Ты – дурак!»
А наш Иван, как разозлится,
Как крикнет громко: «Ё-моё!»
Как схватит наглуую девицу,
На землю, как швырнет ее!
И все. Нет слез, и нет истерик.

Никто жениться не велит.
Глядит Иван, глазам не верит —
Лягушка перед ним сидит.
— Вот, до чего дошла наука! —
Лягушку взяв, сказал Иван:
«Трансформер – выгодная штука»!
И, посадил ее в карман.

2013 г.

...

Я джин купить надумал в магазине,
Бутылку в руки взял, но вот беда —
У джина цвет был непривычно синий,
Такого я не видел никогда.
Спросил я молодую продавщицу:
— А почему у джина синий цвет?
Наверно, есть опасность отравиться?
— Да, никакой опасности тут нет!

— Но раньше пил я джин, и он был белый,
Вот потому-то я у Вас спросил.
— Вас обманули, в том то все и дело!
Тот джин ненастоящий вовсе был!
А настоящий джин – быть синим должен,
Я пью всегда по праздникам такой! —
Под нос я буркнул: «Что ж, вполне возможно!»
Купил я джин, принес его домой.
Стал наливать – джин оказался белым,
Бутылка, просто, синею была.
Вот продавец – врал и не краснела,
Мол «этот джин сама всегда пила»!

Вывод.
Такая нынче у людей система —
Коль даже ты совсем не знаешь тему,
Стой до конца упрямо на своем,
И выставь оппонента дураком.

2016 г.

...

Отец на маму накричал.
На сына мама накричала.
Пинка коту сынуля дал.
И всем домашним полегчало.
А чем ответить может кот,
На все хозяйские нападки?
Да, он момент удобный ждет,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.